

Алексей Уклеин
Артефакты

Алексей Уклеин

Артефакты

Winnipeg, 2020

В книге использованы фотографии:
Натальи Бобрецово́й, Анато́лия Батакше́ва, Алексе́я Кузнецо́ва,
Генна́дия Шаки́на, Алексе́ндра Гусе́ва, Генна́дия Арасла́нова,
Алексе́я Укле́ина и други́х авторов.

Все права защищены.
© Алексей Уклеин, текст, дизайн, 2020

Copyright © 2020 by Alexei Oukleine: texts, design.
All rights reserved. No part of this book may be reproduced in any form
without written permission from the publisher.
For information, address the IMMEDIATOR.CA

Моим близким посвящается

Концепция

1.

Артефакт (лат. artefactum от arte — искусственно + factus — сделанный) в обычном понимании — любой искусственно созданный объект, продукт человеческой деятельности.

В культурологии — какой-либо искусственно созданный носитель социально-культурной информации, жизненно-смысловых значений, средство коммуникации; предмет культуры в трёх основных сферах её бытия: культура материальная, духовная, человеческих отношений.

Культурный артефакт — любой искусственно созданный объект, имеющий как определенные физические характеристики, так и знаковое, символическое содержание.

Артефакт в археологии — объект, подвергавшийся воздействию человека и обнаруженный в результате раскопок или единичного, иногда случайного события.

В кодировании данных — появление в данных закономерностей (в частности: лишних деталей на изображении, шумов при сжатии с потерями), отсутствующих в исходных данных.

В ролевых и компьютерных играх — предмет, как правило уникальный (его невозможно создать в ходе игры / повествования и точно уж нельзя поставить производство на поток) и обладающий особенными, магическими свойствами.

2.

В далёком 1982-м году мой друг Юрий Обвинцев написал мне посвящение, заканчивающееся так:

Леха, друг, покажи, не таясь,
своё распрекрасное рыло!

Вот, собственно, в этом и состоит идея этой книжки.

Основной эшелон

Центрально-Чернозёмное

(1982 — начало 1986)

Я спросил у муравья,
как ему удаётся так много работать.
Мне бы так!
Но муравей был занят и не ответил на мой вопрос.
Тогда я пошёл к пчеле:
«Пчела, как тебе удаётся так много работать?
Мне бы так!»
Но и она была занята
и не смогла мне ответить.
а вот теперь я сижу и думаю —
какой день думаю —
как им удаётся так много работать?!
Мне бы так!

Сергею Малухину

Вот обломки самовластья,
на них чьи-то имена.
Непогоды и ненастья
и ветра, и времена

след оставили на камнях,
чёрный мрамор потускнел.
Виден бой на гладких гранях, —
кто-то бил и не жалел.

Нет царя и нет короны,
поросли они бэльём,
только ветки в тёмных кронах
плещут по ветру бэльём.

Интересно, кто там были?
Подхожу скорей, читаю.
Нет меня... Меня забыли...
Что-то я не понимаю.

Декабристы, даже Пушкин —
вот они, а я — нигде!
Как из бронзовой из пушки
грянул гром — то быть беде!

Я как пёс побитый взвился,
вот какая взяла злость!
Разошёлся, взбеленился...
Тут мой взгляд упал на гвоздь.

Ну, держись, проклятый список! —
Пушкин первым в нем стоит.
Встал на урну — ростом низок —
и царапаю гранит.

Отошёл. Чиста работа!
Пушкин сразу стал второй.
Про меня, не про кого-то,
скажут: — Был такой герой!

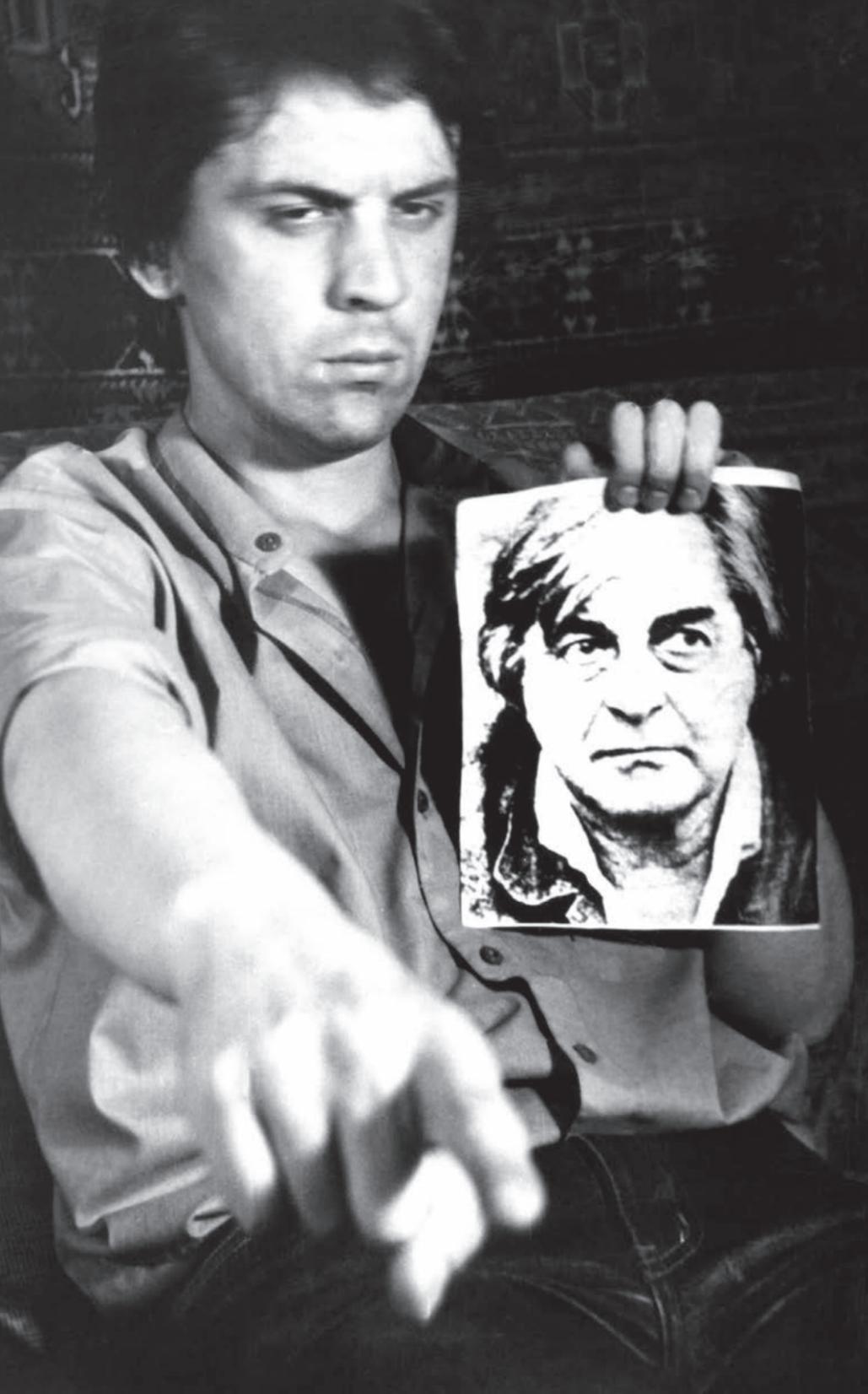

Зброшены залы. Обрывки афиш
кружатся, гонимые ветром.
Любимов уехал: Милан и Париж,
чужие места, континенты.
Таганская площадь пуста под дождём
и к кассе не тянется хвост.
Но скоро с тобою сюда мы придём,
хороший на завтра прогноз.

84

Комментарий 2020: вот мне даже интересно, откуда у меня в том году вдруг возникло это оптимистичное предощущение?

Гамлет

На голой сцене череп, кости
первою позёмкой замечает,
Гамлет умирает на помосте,
ведь сегодня “Гамлета” играют.

— Быть иль не быть бок о бок с грязью,
невежеством и подлостью, и хамством?
Что делать с откровенной неприязнью
к чванливому трусливому дворянству?
Вон старикашки брызгают слюною,
разврат и пьянство, буйные пиры.
И эти нелюди владеют всей страной,
пуская по миру дворы.
И проблеска живого нет...

Так разум бьётся в тесной клетке
и доверяет лишь себе да своему коню.
Тем временем пристойно и по-светски
ему готовят западню
за то, что до всего ему есть дело,
за то, что истину пытается познать,
за то, что он высказывается смело,
мешая сладко жить и спать.
И Гамлет мёртв...

...Наш зал тихонечко сидит,
сочувствует и сопереживает,
и очень пристально глядит —
на сцене Гамлет умирает.
А справедливости как нет —
на трон взошёл другой подлец.
И в зале зажигают свет.
Конец спектакля как трагедии конец.
Все кончено. Пред нами вновь без права
свобода, совесть, доброта.

А зал бушует — крики “браво!”...
Должно быть, публика не та.

...А душа рвалась из кожи,
лезла на рожон
и однажды в день погожий
вылетела вон.

Первому изданию “Нерва”

I.

Вдруг каркнуло радио,
дыхание спёрло в зобу, —
чего это ради, а,
с Высоцкого сняли табу?

II.

Из двух зол выбирают меньшее,
из двух строк выбирают слабую —
так безопаснее.

III.

Для публикации надо немало отваги.
Редактор любит чистый лист бумаги.

IV.

Лучше лаптем щи хлебать,
чем стихи выхолащивать!
Твою мать...

Калужский транзит

(осень 1986 — начало 2003)

Калужский распределительный стишок

А напротив ВНИИМЭТа
Циолковский и ракета.
Не вперёд мне, ни назад —
раздирает в кровь мой зад.
В назиданье всему свету
я посажен на ракету
и терплю уже пока
боли около пупка.
Вы не ждите от меня
ни ответа, ни привета —
горлом выйдет та ракета,
ведь сижусь, как на колу
в этой чёртовой Калу...

86

То было душное бессмысленное лето,
по вкусу — как дешёвая котлета,
как будто я дробил всухую
и счастья — ни себе, ни... другу.

И.М.

Губы потрескались — стужа ли, жажда ли,
Душен жилищный гроб.

Этого ждал ли я, этого жаждал ли,
залепил трахею клюквенный сироп.

Не вдохнуть ни выдохнуть, хоть — кричи!
Может быть, довольно? Хватит? Стоп?!
Встать... Тряхнуть плечами, сбросить кирпичи...
И устроить рвотный клюквенный потоп!

87

Весна

Нависают сверху ледяные толщи,
протянувшись с севера на юг.
Там, на юге, жить ничуть не проще,
правда, меньше холода и выюг.
Честь весны поставлена на карту,
целится она зиме в кадык
и когда-нибудь, возможно, к марту,
изловчась, возьмётся за ледник.
И тогда меня смоят потоки,
протрясут по ступеням широт,
будто спичку вода в водосточе
принуждает играть в хоровод...
Оседлать волну и — чтоб не сглазить! —
прямо к дому, словно ход ферзём,
чтоб, отмывшись от калужской ржавой грязи,
с маху мордой ткнуться в чернозём!

6 марта 87, автобус Калуга—Воронеж

Автопоздравление

*Да, я знаю. Я вам не пара.
Я пришёл из иной страны...
Н.Гумилёв*

Да, не скрою, ну хочешь — убей:
я не пара вам и не чета.
Мой сегодня настал юбилей —
десять лет до возраста Христа.
Я стою у незримой черты.
Что случится за её порогом?
Слушайте ж, разинув рты, —
через десять лет я буду Богом!..
И среди спиртового угара
повторяю, поддёрнув штаны:
— Да, я знаю. Я вам не пара.
Я пришёл из иной страны.

8—9 июля 87

Фото твоё — в небо
 величиной — богоматери лик —
 беспокойно и прямо
 взгляд свою велик
 добротою и силой, —
 матушка, мамочка, мама — спасибо!

Рапорт

Воспринимаю ссылку я нормально,
хотя, простите, без энтузиазма.
Нашёл соратников, друзей, знакомых.
И заявить могу вполне официально,
что все продукты вашего маразма
мне не больней укусов насекомых.
Их можно пережить и съесть,
хотя чесотка, к сожалению, есть.

Я продолжаю жить, трудиться и творить
среди неустройств общественного бытия,
и при вопросе «Быть или не быть?»
даю ответ «Конечно, быть!» и я.

И вот ещё, пока есть место на листочке,
прошу о предоставлении одиночки.
Вы возразите, дескать, эта мера
бесчеловечней всех со времени Гомера.
Ну что ж. Пускай мне будет тяжелей
в одноместной камере моей.

Сергею Малухину

Пишу тебе в степные дали.
Как там спится на Волго-Донском канале?

Не маячат ли, когда погаснет закат,
за окошками тени ЗК?

Как ты ешь там, дружок? Едва ли
плохо на Волго-Донском канале.

Хлеб на ваших бескрайних полях
не на почве пророс — на костях.

Напиши, чтоб и мы узнали,
как живётся на Волго-Донском канале.

87

АДРЕСА СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ

Коллектив нашего объединения уже отметил, что в последнее время у нас заметно оживилась культурная жизнь, разнообразнее и интереснее стал досуг молодежи. Свидетельство тому — несколько вечеров отдыха, подготовленных творческой группой при комитете комсомола. И вот еще одна интересная встреча, на этот раз она состоялась по новому адресу: правобережье, красный уголок молодежного общежития.

„ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ“

ВЕЧЕР ПАМЯТИ В. ВЫСОЦКОГО

...Вечер, посвященный творчеству Владимира Высоцкого, многие работники объединения ожидали с нетерпением: тематических вечеров до этого не проводилось. И молодой специалист, инженер 9 отдела Алексей Уклеин, который вызвался написать сценарий, готовился к встрече задолго и ответственно. Немало материалов он использовал из своего архива: стихи, фотографии, записи песен. Но без помощи других энтузиастов вечер бы не получился таким выразительным и глубоким по содержанию. Так, Владимир Сизов, ведущий инженер конструкторского бюро, предоставил редкие фрагменты из выступлений Высоцкого (кстати, Владимир Викторович располагает наиболее полной коллекцией записей с концертов Высоцкого среди любителей в нашем городе). Сергей Иванкин, инженер КБ, помог в изготовлении слайдов. Качественно, на высоком техническом уровне звучание аппаратуры обеспечил наладчик II отдела Алексей Железнов.

Непосредственными помощниками ведущего на вечере были Сергей Захаров, Евгений Игнатьев, Михаил Малякин.

Да, вечер оставил впечатление и серьезного, драматичного разговора, и художественного взволнованного рассказа. На экране перед притихшим залом замирал на минуту в слайдах знакомый образ Высоцкого, «с упрямой челкой на челе». То с яростно натянутыми от напряжения жилами на шее, то с иронической гримасой, то с печальными до боли глазами, он пел... И властвовал надо всеми, сжимал сердца слушателей своей стихией и наполненностью «охрипший его баритон». Алексей Уклеин построил вечер так, что вместо ожидаемых комментариев и биографических справок рассказал о себе сам Высоцкий. О себе, о своем поколении, о высоком назначении художника, о том, в чем он видит смысл своего творчества. «Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души»... Изумило и порадовало участников вечера чтение стихов Высоцкого в исполнении Алексея. В целом вечер слушался как выстраданная поэма, органичная, зрелая и мастерская по своему воплощению.

В. МАТВЕЕВА.

БЫТ — КАКИМ ЕМУ БЫТЬ?

"Импульс" 23 марта 1997 г.

Темно, не видно ни пустыря, ни строки, и поэтому особенно уютными кажутся единственные на этой стороне улицы правобережья заселенные два дома — общежития № 5 и № 6. Из некоторых окон льется мягкий — рассеиваемый свет: платно закрытыми шторами — свет: голубой, розовый, желтый. И я думаю, какие же разные люди живут за этими окнами! Разные во всех отношениях — в том числе и в отношении к их общему дому. Разные — я это знаю, потому что только что окончился рейд по общежитию № 5, где эта разница осязаема.

...Команданта мы ждали долго — Валентина Ильинична Мишкина решала различные вопросы, устраивала командированных. Видно было, что ни одной свободной минутки нет у нее — только народу посещало ее кабинет. Потом она объяснила свою занятость:

ЖИЛЬЦЫ ИЛИ СЛУЧАЙНЫЕ ГОСТИ?

— Общежития у нас два, а командант — один. Один и воспитатель. И нам с Тамарой Семеновной приходится буквально разрываться, бегая из одного общежития в другое. Кроме того, я... погляжу роль завхоза — его у нас нет, хотя и должен быть. Тяжело ведь тут уйма дел, нужно же еще думать за порядком, особенно в общежитии № 5, где живут несемейные — все-таки стараются поддерживать порядок. На мне еще и «гостиная» — приходится устраивать командированных. В общем, нужны еще работники. Необходимы. Интересно, что думает по этому поводу администрация объединения, ОТиЗ?

...Это получился настоящий рейд, с фотографом с эффектом неожиданности. Мы направились в общежитие несемейных, где больше всего беспорядков.

В комнате № 44 общежития № 5 живут работники нашего НИИ Алексей Уклиев и Сергей Захаров. Что поражает в первую очередь — глазок в двери. Сразу думается: бедные ребята! Неужели они так боятся людей, что приходится предпринимать меры предосторожности? Или глазок им нужен для других целей? В таком случае, сейчас они не успели им воспользоваться: мы вошли в комнату. Как и предполагала Валентина Ильинична, которая хорошо знает своих жильцов, здесь беспорядок, на столе — немтая посуда. Фотограф делает снимки, один из проживающих в комнате пытается выключить свет. Что же? Стянуто, что в комнате грязь? Но не лучше ли следить за порядком, соблюдать правила проживания в общежитии, чем каждый раз показывать свое пренебрежение к другим жильцам, к команданту или на цыпочках подкрадываться к глазку — не дай бог, застанут в неподходящий момент?

Кстати, в явно неподходящий момент мы попали в комнату 54, где хозяином — Н. Маркин (ОКС), обдавшую нас едким запахом табака.

— Пойдемте на шестой этаж, — говорит Валентина Ильинична. — Он у нас самый «выдающийся».

Да, здесь одна кухня чего стоит. Даже с трудом сориентировались, какую ее часть снимать: беспорядок был везде. Столы заставлены грязной посудой, плиты — всевозможными чайниками и чайничками...

— Жалко, что закрыты 66 и 67 комнаты, где живут работники института В. Суховский и О. Пахрин. Но пойдемте, я покажу вам другое, — и Вален-

тина Ильинична проводит нас в комнату № 71. Половину этой комнаты перерезает самодельный стеллаж. Правда, на мой взгляд — здесь я категорически не согласна с администрацией объединения, которая хочет начать обшежитие стандартной мебелью и сделать комнаты-близнецы (такую крайность можно развить и дальше, купить всем сотрудникам одинаковую одежду, сделать одинаковые прически) — именно этот стеллаж придает комнате привлекательную индивидуальность. Но дело не в этом! Вот мнение команданта: — Перечень мебели для общежитий составлен безграмотно. Не закуплено то, что действительно нужно. Тумбочки — по одной на человека, а надо бы и на кухню. Полоч — нет. А из 240 книжных полочек получено только 20. Радио — получаем только сейчас, а сколько прошло времени!

А теперь Валентина Ильинична хочет — для контраста — показать... тична...

...случайно встретил ведь Николая... Сергей Дубов из 33 и 55 комнат поддерживают там чистоту — значит, могут и другие.

Разница — именно в отношении, именно в том, кем чувствует себя человек — хозяином или случайным гостем. Валентина Ильинична отмечает странную закономерность: беспорядок — в основном, у работников НИИ, у людей с высшим образованием. А мы-то, мы-то, наивные, заблуждались, что от образованности человека в некотором смысле прямо зависит его культура! А выходит — наоборот, зависимость обратная, — чем выше образование, тем культура ниже?!

— И главное, — говорит Валентина Ильинична, — нельзя сказать, что ребята плохие. Те же Уклиев и Захаров — как подготовили вечер Высоцкого! Но — факт остается фактом...

...Вдумайтесь в слово «общежитие». Общее жилье, общий дом. Неужели все беспорядки от того, что он общий, «наш», а не «мой».

И. ПОДОЛСКОЕ,
корр. «Импульс»,
член штаба «Комсомольского
прожестора».

Л.Б.

Маленький ёжик в Хибинах
тыкался носом в скалы,
жаждал найти рубины
золото и кораллы.

От Белого моря по Лену
исколесили всё дизели.

Всё, что имеет цену,
люди давно повывезли.

Чтоб показать дома сыну,
нужно самую малость.

Золота и рубинов
ёжику не досталось.

Но скалы — это не море,
там не растут кораллы.

— Это ещё не горе, —
ёжик думал устало.

Камни влекли магнитом,
и горы ведь не для робких.

Кварцем и апатитом
ёжик набил коробку.

15 августа 89

Звереет февральская вьюга
и снегом швыряет в окно.

И если б тела не встречались друг с другом,
то мы б разбежались давно.

14 АВГУСТА
ЛЮБИТЕЛЯМ

классической гитары, авторской песни, поэзии

КОНЦЕРТНАЯ ПРОГРАММА
„Акустический вариант“

Дмитрий КУЛАКОВСКИЙ, Василий ГАДНАЙ
(классическая гитара)

Александр ФАЛАЛЕЕВ
(авторская песня)

Алексей УКЛЕИН
(стихи Галича, Бродского, Высоцкого)

Начало в **20** час.

Билеты продаются
ПЕРЕД КОНЦЕРТОМ

В ДОМЕ УЧИТЕЛЯ

ул. Ленина, 103.

Рисунок Юрия Инюшкина

Александр Ткачёву к 35-летию

Пока ещё на пироге́ есть место
от свеч, отрежь кусок себе, кусочек — мне.
Давай попробуем рождественского теста,
пока не стали тенью на стене.

Мы будем есть куски того торта
(то не портрет тебе — картина!)
и находить на нём места,
что, слава Богу, не залиты стеарином.

январь 90

Светлой памяти моего друга
Андрея Артемьева посвящается
этот сборник

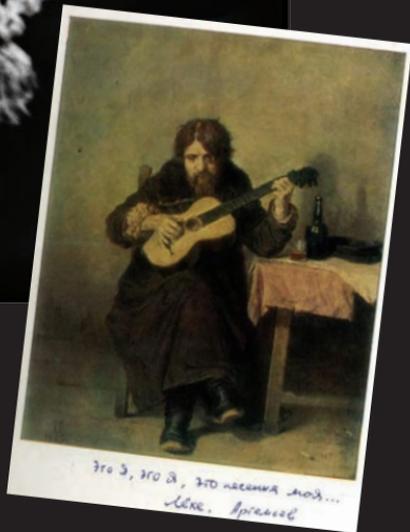
ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ "ЯУЗА"...

4 руб. 50 коп.

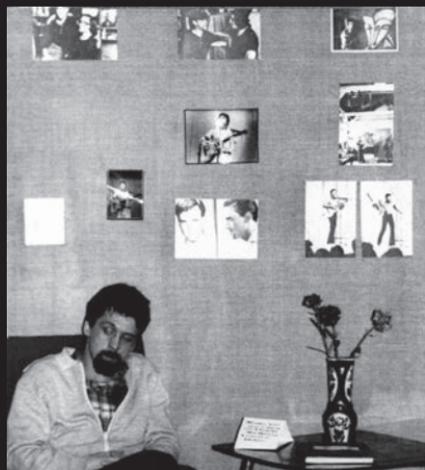
Ю. Длешковский
В. Высоцкий
А. Галич
А. Городницкий
И. Имамалиев
Ю. Ким
М. Кочетков
Ю. Лорес
А. Мирзаян
А. Шкачев
В. Шурианский

• НЕРВНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ •

ОТДЕЛЕНИЕ
• КОММУНИСТИЧЕСКОГО •
ТРУДА

Это Э, это Э, это песенка Лод...
Алек. Арханов

ОН ПЕЛ, КОГДА ДРУГИЕ МОЛЧАЛИ

«Гул затих. Я вышел
на подмостки.
Прислонясь к дверному
косяку,
я ловлю в далеком отголоске,
что случилось на моем веку».

Этими стихами Б. Пастернака Владимир Высоцкий начинал своего Гамлета. Наверное, нам, а может быть, нашим детям, еще предстоит осознать, какое место этот человек занимал в своем времени. Но уже сегодня ясно: выйдя на подмостки, он различил и многое понял из того, что случилось на его веку и на веку предшествующих поколений. И обо всем этом рассказал нам — со сцены театра и в своих песнях.

Он пел, когда другие молчали. Слышали его всюду — от Москвы до Магадана. Нет сомнений, он был бы рад времени, которое наступило. Его нет. Но он и сегодня с нами.

25 января, в день, когда В. С. Высоцкому исполнилось

бы 52 года, в областном Доме работников просвещения (ул. Ленина, 103) открылась фотовыставка. Она продлится до 15 февраля. Экспозицию подготовили руководители литературного объединения «Тогос» Алексей Уклеин и Анатолий Батакшев.

Фотографии отражают творческий путь поэта: Высоцкий на концертах, в театральных и кинозалах, во время гастролей по Советскому Союзу, с друзьями. Представлены фотиллюстрации к произведениям В. Высоцкого художников Михаила Шемакина и Александра Анисеева.

Принимаются добровольные взносы на строительство музея В. С. Высоцкого на Таганке (счет № 702601 в ОПЕРУ при правлении Жилсоцбанка СССР).

Г. МИХАЙЛОВА.

"Экспресс" (Киев) 9 января 1994г.

Встреча для вас

«ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»...

«Слишком рано для зрелища, Слишком поздно для дороги и славы зрелища».

В. Гребенников.

Он же барабанщик. Но был много труднее представить себе другого клуб соавладельца той же группы. Да и, пожалуй, само существование культуры андеграунд тесно связано с барабанщицей. Сидя Алексей Улюкин называет «формационными» в кавычках именно это слово: парадоксально, чем «барбаризация». Та есть песня на шпигле не поет, зато имеет все признаки «примитива» — спонсор, выделенный барабанщик, мечта об успехе, слава, деньги, фотоаппарат, надевать очки по андеграунд тесно.

Поблизости к Лыбидь (по месту, куда нет и транспорта), и реально, что будет спонсором не только публиковать его материалы с значимостью Барбодового Слоника, но и любоваться читатель с ним самим. Что и делало весьма остро: Инас:

— Алексей, ты уж лучше, но без интеллигентности делай мне, черт возьми, не обидится. Ты что знаешь насчет «Яузы»? — В апреле явился кто-то в «ЯУЗУ» и ввел меня в свою комнату. — Я ввел его в комнату, где сидели ребята. В марте по распоряжению в 1984 году, после Барбодового похода в «ЯУЗУ». — Тогда я начал составлять текст и издавать сборники «ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»». Как тебе на это высказался? — Во второй половине 80-х в мои андеграунд андеграунд тесно, поэтара для рубрику в газете «Советский молодец», у меня большой успех. — Сам не пробовал стать барбодом? — Нет, я не пробовал. Я не знаю «ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»». — Алексей, как тебе? Под твоим руководством я начал издавать в «ЯУЗУ» материалы, так и вышло, что само существование на

своем барбодом. — Алексей, ты уж лучше, но без интеллигентности делай мне, черт возьми, не обидится. Ты что знаешь насчет «Яузы»? — В апреле явился кто-то в «ЯУЗУ» и ввел меня в свою комнату. — Я ввел его в комнату, где сидели ребята. В марте по распоряжению в 1984 году, после Барбодового похода в «ЯУЗУ». — Тогда я начал составлять текст и издавать сборники «ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»». Как тебе на это высказался? — Во второй половине 80-х в мои андеграунд андеграунд тесно, поэтара для рубрику в газете «Советский молодец», у меня большой успех. — Сам не пробовал стать барбодом? — Нет, я не пробовал. Я не знаю «ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»». — Алексей, как тебе? Под твоим руководством я начал издавать в «ЯУЗУ» материалы, так и вышло, что само существование на

своем барбодом. — Алексей, ты уж лучше, но без интеллигентности делай мне, черт возьми, не обидится. Ты что знаешь насчет «Яузы»? — В апреле явился кто-то в «ЯУЗУ» и ввел меня в свою комнату. — Я ввел его в комнату, где сидели ребята. В марте по распоряжению в 1984 году, после Барбодового похода в «ЯУЗУ». — Тогда я начал составлять текст и издавать сборники «ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»». Как тебе на это высказался? — Во второй половине 80-х в мои андеграунд андеграунд тесно, поэтара для рубрику в газете «Советский молодец», у меня большой успех. — Сам не пробовал стать барбодом? — Нет, я не пробовал. Я не знаю «ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»». — Алексей, как тебе? Под твоим руководством я начал издавать в «ЯУЗУ» материалы, так и вышло, что само существование на

своем барбодом. — Алексей, ты уж лучше, но без интеллигентности делай мне, черт возьми, не обидится. Ты что знаешь насчет «Яузы»? — В апреле явился кто-то в «ЯУЗУ» и ввел меня в свою комнату. — Я ввел его в комнату, где сидели ребята. В марте по распоряжению в 1984 году, после Барбодового похода в «ЯУЗУ». — Тогда я начал составлять текст и издавать сборники «ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»». Как тебе на это высказался? — Во второй половине 80-х в мои андеграунд андеграунд тесно, поэтара для рубрику в газете «Советский молодец», у меня большой успех. — Сам не пробовал стать барбодом? — Нет, я не пробовал. Я не знаю «ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»». — Алексей, как тебе? Под твоим руководством я начал издавать в «ЯУЗУ» материалы, так и вышло, что само существование на

своем барбодом. — Алексей, ты уж лучше, но без интеллигентности делай мне, черт возьми, не обидится. Ты что знаешь насчет «Яузы»? — В апреле явился кто-то в «ЯУЗУ» и ввел меня в свою комнату. — Я ввел его в комнату, где сидели ребята. В марте по распоряжению в 1984 году, после Барбодового похода в «ЯУЗУ». — Тогда я начал составлять текст и издавать сборники «ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»». Как тебе на это высказался? — Во второй половине 80-х в мои андеграунд андеграунд тесно, поэтара для рубрику в газете «Советский молодец», у меня большой успех. — Сам не пробовал стать барбодом? — Нет, я не пробовал. Я не знаю «ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»». — Алексей, как тебе? Под твоим руководством я начал издавать в «ЯУЗУ» материалы, так и вышло, что само существование на

своем барбодом. — Алексей, ты уж лучше, но без интеллигентности делай мне, черт возьми, не обидится. Ты что знаешь насчет «Яузы»? — В апреле явился кто-то в «ЯУЗУ» и ввел меня в свою комнату. — Я ввел его в комнату, где сидели ребята. В марте по распоряжению в 1984 году, после Барбодового похода в «ЯУЗУ». — Тогда я начал составлять текст и издавать сборники «ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»». Как тебе на это высказался? — Во второй половине 80-х в мои андеграунд андеграунд тесно, поэтара для рубрику в газете «Советский молодец», у меня большой успех. — Сам не пробовал стать барбодом? — Нет, я не пробовал. Я не знаю «ЕСТЬ МАГНИТОФОН СИСТЕМЫ «ЯУЗА»». — Алексей, как тебе? Под твоим руководством я начал издавать в «ЯУЗУ» материалы, так и вышло, что само существование на

«Есть магнитофон системы «Яуза»».

— Это сейчас, в этот момент одна из моих любимых вещей — есть магнитофон системы «Яуза». Это мое «Яуза-барбодом».

— Как это устроено? — Сейчас был, сейчас и тогда одна из моих любимых вещей — есть магнитофон системы «Яуза». Это мое «Яуза-барбодом».

— Как это устроено? — Сейчас был, сейчас и тогда одна из моих любимых вещей — есть магнитофон системы «Яуза». Это мое «Яуза-барбодом».

Встретились для вас
И. ВЕЛТОВА.

Елене Горбачёвой

Ты давай мне карты разбросай
да не по столу,
расстели меня всего, раскатай
прямо по полу —
от начала до конца
чтобы не споткнуться,
чтоб от хвори, от венца
увернуться,
чтоб тропа моя была именно *моя* тропа,
чтобы не поставила меня она «на попа».

От врагов и от напастей убегу
и себя тогда отдам лишь кому хочу,
душу с сердцем разбросав — сберегу,
и одну я только дату воплощу.

январь 90

За вирши, Господи, прости ты нас,
мы накрутили слишком много.
Поэзия — она от Истины,
а Истина — она от Бога.

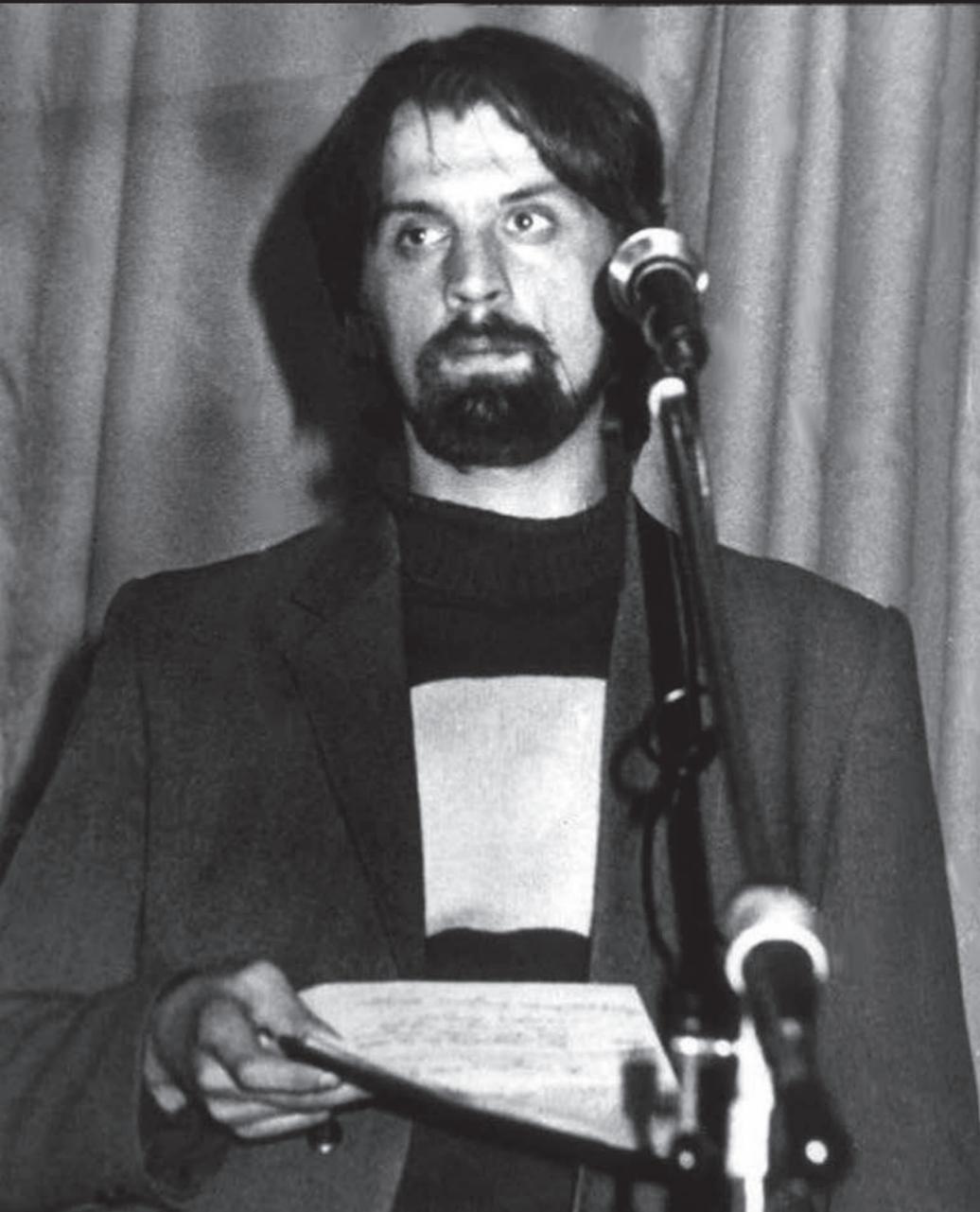
(из японской народной поэзии)

Девушка склонившись над водою
Путником замечена была
Выпрямится женщиной

Летнее время
Паутиной
Затянуты трубы горячей воды

91, Воронеж

Александрю Ткачёву

Я закрыл бы все границы и
отменил бы все рейсы к чёрту,
я нарядами милиции
оцепил бы аэропорты,
написал бы гору доносов —
посадить тебя за решётку,
а не вышло бы так, то просто
перегрыз бы зубами глотку,
век сиреною надрывался,
камнем лёг на пути — помехой,
лишь бы ты навсегда здесь остался,
лишь бы ты никуда не уехал.

...Все куплеты мои — говно,
рву исписанное на части.
Где б ты ни был — мне всё равно, —
я тебе пожелаю счастья!

12 августа 91

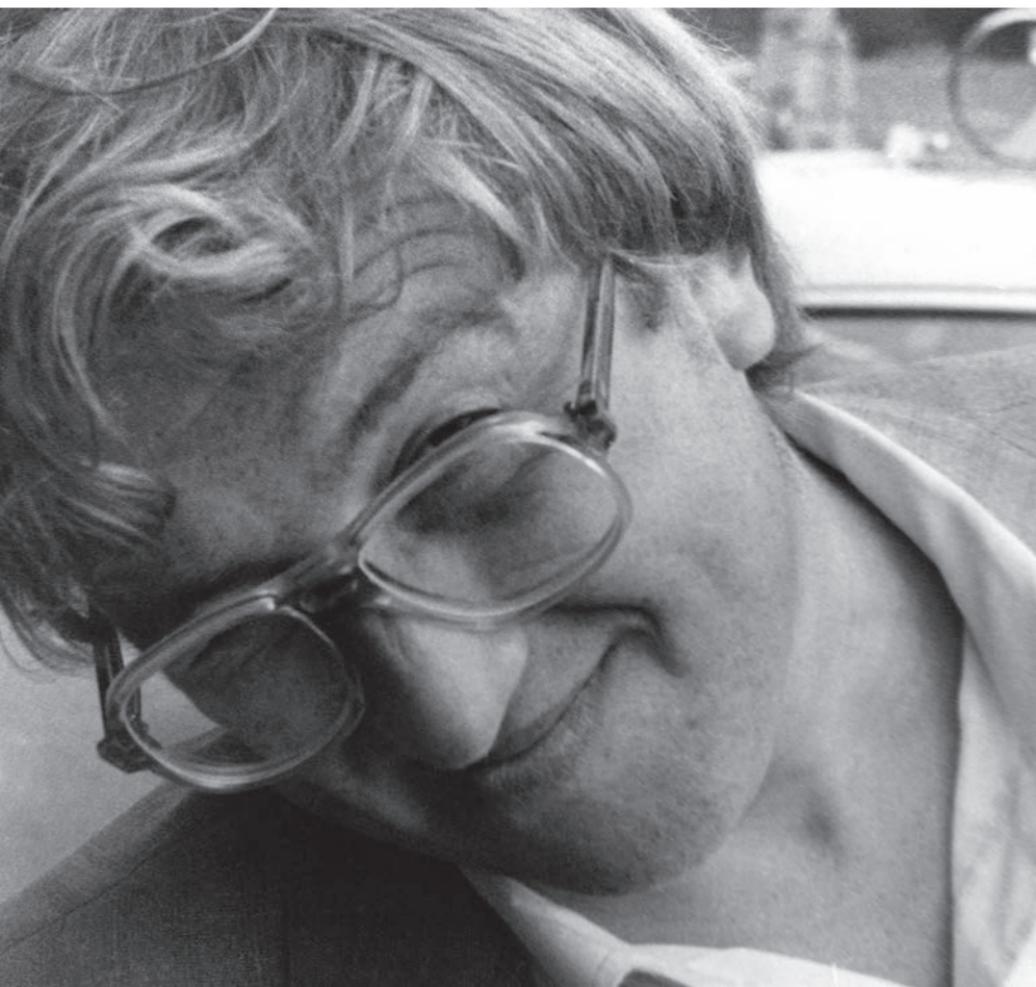

Кинотеатр «Центральный»
19 февраля. Малый зал
Вечер — посвящение
«Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ»
Премьера полнометражной документальной ленты
«Александр Галич. Изгнание» (ЦСДФ).
Участники вечера — ПАВЕЛ НАМ, АЛЕКСЕЙ УКЛЕНН.
Начало в 19 часов.

Анатолию Батакшеву

Твоё увидев отраженье
среди бессвязных дум своих
понять, что для нормального общенья
слова утратили значенье
и можно не тревожить их.

13 августа 91

ГИТАРА И СЛОВО А. ВЕРТИНСКИЙ

Александр ГОНД, ДУШНИК *и вблизи, и вдаль*

ЮРИЙ ВИЗВОР

Владимир ТУРИНСКИЙ *«...МОИ ДРУЗЬЯМ В ДАЛЕКОМ ДАЛЕКО»*

САЛЯЧ СЛАГОЛ 3-1991 **Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОБРА И ЗЛА

АЛЕКСАНДР МАКОВ ПАВЛОВА

Юрию Лоресу

Приблизь произношенье к подлинно тому,
которое вначале было...

Ведь нам всего не описать на русском,
хоть сам он и оценочен по сути.

И это непосильная нагрузка
Всё изложить в строке или минуте.

...А в этом зале только ты и я,
и между нами — книга Бытия.

октябрь 91

На отъезд друга

Анатолию Литмановичу

я столько раз заводил записную книжку
теперь качаю мускулы
вычеркнуть твой адрес

16 августа 92

М. У.

Пролезть, протиснуться, прорваться —
в игольное ушко,
в двужильность кабеля — сквозь телефонный шнур,
чтобы начать: “Привет... Гуд мониторинг... Нет! — Бонжур...”
И тут запутаться в словах, смешаться,
испытывая немоту — и телом к телу так прижаться,
чтоб разобрать — где ты, где я — нам было нелегко.

Пускай ладонь шипами раздирают
прекрасные и гордые цветы,
всё для тебя, тебе я посвящаю,
Маринка, Машка, ты...

Перечитывая Высоцкого

Возникла как-то раз под настроенье
нужда в бумагах по ВВ полазить —
проверить память на одно стихотворенье.
И вижу я себе на удивленье:
«Посвящено Марине Влади».
— Ну ничего себе! Ну ни хрена!
Вы перепутали всё, бляди! —
я вне себя от возмущенья
и требую замены посвященья.
Да, есть Марина, но она одна!

Марина — это ты, а не она.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ИЗОБРЕТЕНИЯМ И ОТКРЫТИЯМ
 ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ СССР ПО НАУКЕ И ТЕХНИКЕ
 (ГОСКОМИЗОБРЕТЕНИЙ)

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 1777399

На основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Госкомизобретений выдал настоящее авторское свидетельство на изобретение:

"Устройство для жидкофазной эпитаксии многослойных полупроводниковых структур"

Автор (авторы): Уклеин Алексей Владимирович и другие, указанные в описании

Заявитель:

Заявка № 4662563 Приоритет изобретения 17 марта 1989г.

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений СССР
 22 июля 1992г.

Действие авторского свидетельства распространяется на всю территорию Союза ССР.

Председатель Комитета

Начальник отдела

Расс
Зинин

Мы с тобою опять в разлуке.
Я с тоскою смотрю на руки.

(из русской народной поэзии)

Кому завод купить —
а мне водку пить.

июнь 92

Запомни, друг, один совет:
когда неумогу и скучно жить на свете,
возьми какой-нибудь предмет,
воткни в себя и походи с ним так денёчек или два.
Когда же вытащишь его — мир тут же просветлеет
и сразу станет мудрой дурная голова.

2 февраля 92

Репкиной Г.В.

Хотел бы побывать ещё я не раз
в лучшем пространстве Ваших глаз.

Маме

Слушай сказку про времени ход:
дни тянулись, а года летели,
52 года как недели —
те же 50 и две, иначе — год.

Не гляди назад, не гляди.
У тебя вся жизнь впереди.

октябрь 92

Я песни Кима знаю с детства

*«...Городницкого и Кима
песни страшные ору»
Ю.Визбор*

Я, если разобраться, песни Кима знаю с детства
из пожелтевшего туристского блокнота
мамы, вот только авторство указано там было не везде.
И с пацанами, по соседству
жившими, мы распевали что-то,
как будто из народного фольклора:

«А я маленькая детка, метр сорок,
и ни в чём не виноват...»,

ну, и т.д..

Или ещё:

«Мы ходим-бродим, бороды не бреем,
походка наша, братцы, такова...»

Был и другой сюжет, но чуть уже грустнее:

«Под парусом чёрным уходят в набег
все семьдесят пять человек...» —

простите, но не помню все слова.

Спустя лет семь, а то и десять,
я в КСП зашёл спросить:
Высоцкого и Галича, мол, здесь
поют? В ответ мне: «Боже упаси!
Мы, парень, больше любим Кима,
вот про романтику да про кита...» —
и спели вдруг. Я понял, что не с ними
мне. Здесь хорошо, но публика не та —
«Всё говорок — про странствия,
про ночи у костра...
Была б, мол, только санкция — романтики сестра!
Романтика, романтика — небесных колеров.
Нехитрая грамматика
небитых школяров!» —
вот так вас, юноши, девчата
А.Галич как-то припечатал.

И только позже, познакомившись поближе,
Андрей Артемьев мне сказал: «Смотри же,
Ким каков!» Ну, и такое спел,
что я, хоть и сидел,
чуть не упал со стула.
Весь нарочитый оптимизм,
всю бодренькую резвость разом сдуло,
остались злость, ирония и трезвость,
и твёрдость в выборе пути.
Мимо такого Кима я не мог пройти
и всё торчал, как рельса в центре зоны,
в которую положено стучать,
не в силах сразу всё в себя принять,
но поражён его диапазоном.
Как можно совмещать такое, в чём секрет?!
Я Вам, Юлий Черсаныч, каюсь,
что с той поры минуло десять лет,
а я всё Ваши полюса соединить пытаюсь.

(из античной лирики)

Не тащи их имён из меня —
видно, память моя коротка,
не упомяну я, сколько их было,
как тебе я в ту ночь изменял
и с кем смог;
знаю только наверняка,
что я Бахусом лёг,
а наутро Поллюция-блядь разбудила.

ноябрь 94

Новогодний триптих

1.

Достал холодами Мороз-воевода,
и я, почти ингредиент для холодца,
вам так скажу: начало года
имеет запах старого конца.

2.

Когда мы начинаем замерзать,
“тепло ли, холодно ль?” вопросом
нам голову не надо забивать,
мы что угодно можем отвечать,
в итоге остаёмся с носом...
Иль без носа.

3.

Где пройдёт верблюд в иголку,
Стран других не знаю.
Мы себя кладём на Новый год под ёлку.
Нас на ёлках дети распинают.

25 декабря 94

Не то, чтоб устал или мне надоело,
но ныне уже не знакомое тело
я, писавший эти слова —
или ветер, или трава.

Покойников, братцы, ругайте смело!
Ты явно что-то сказать не успела.
Мне до корней любая молва,
если я ветер или трава.

Теперь, конечно,
о жизни вечной
не ноет больше моя голова —
я снова ветер или трава.

январь 95

Формалистический стишок

Да, я устал.
Я чувствую усталость.
И сочинял,
но мне не сочинялось.

9 марта 95

Смотря французское кино

...Я о прошедшем вспоминал
и — боже мой, какая жалость! —
что я когда-то навоображал,
от всего ни хера не осталось.

«Он Пастернака перепастерначит»

Вот это слишком!..
Ведь это драма! —
Слова теряют свою роль!
Который день твержу упрямо,
что Харе Кришна
и Харе Рама,
а кто без «Хари» — так тех уволь.

Ничто не тешит глаз,
не радует погода,
погасли краски, отцвели
цветы. Без вас
мне жизнь — озон без кислорода,
что небо без земли...
На кой же мне такая жисть?!

2 июля 97

(из Шекспира)

Ах, где же ты гуляешь, мой малыш?
Чрез сотни миль меня услышь.
Любовь родителей слепа
и мы на всё готовы сдуру.
Я на любой бы дот упал,
Чтобы накрыть ту амбразуру,
Но тишь...

Но тишь...

Но тишь...

Наша жизнь — настоящий ад.
Скажи спасибо, что ты не солдат.

Президент, телевизор, газеты,
тучным — новые диеты...

Работы — непочатый край,
а ещё кричат “давай-давай!”

Прохожу стороной, семена, —
это мало трогает меня.

ГДЕ-ТО ТАМ ИДЕТ МОЙ МАЛЬЧИК!!!

3 июля 97

Моим близким

Я нынче никого не привечаю,
а сразу посылаю на...
А вспоминая вас кончаю
и опять кончаю.
ВЫ — моя Родина,
ВАС я люблю, за ВАС и отвечаю!!!

24 июля 98

Я говорю: "Не все ль равно?
Говно и в Африке оно", —
патриотизмом не беременный:
"Не нахожу в том упоения,
чтоб лечь костями в родную землю
заблаговременно..."

2003

В альбом N.

Стихи, написанные по ошибке

Стучат за окном поезда.
Сижу, будто в их ожидании.
Ты оказалась слабей дождя.
Нет свидания... — До свидания!

Бросить все дела, уехать электричкой,
все на свете позабыть,
даже имя-отчество,
в замкнутом пространстве плыть,
быть с тобою, рядом быть...

Только цербер с утиною кличкою
стережёт твоё одиночество.

10 ноября 92

Мы ведём себя так несмело.
Я хочу, чтобы ты залетела.

30 августа 93

Всем так и надо доебаться...
Какое дело мне до них!
О, дай мне Боже разобраться
во впечатлениях своих.

30 сентября 93

(из китайской народной поэзии)

Я пытался пробить эту Стену не раз
Теперь пусть она пробивает меня

— Успокойся, — кричу, — успокойся
и не бойся меня, ты не бойся
меня потерять.

Чтоб меня потерять,
надо мной обладать.

Ты — не бойся.

26 декабря 93

Имею сам и стол, и кров.
Так что же у тебя ищу тогда?
Как будто отпущения грехов
за все мои прожитые года.

* * *

Завершены все испытанья,
хожу, пишу стихотворенья,
что полон я непониманья,
что сам не свой от удивленья:
ты обладаешь редким знаньем
объёма чаши моего терпенья.
Скажи, на что тебе оно?

28 декабря 93

* * *

Ах, что не померещится в мечтах!
Но где они? А я вот тут... строчу,
что показать тебе хотел в цветах
каких я вижу мир или, верней, хочу.

Я ежедневно в живописца раж
впадать готов был (и хватало веры!)
но день спустя любой пейзаж
терял свой цвет и становился серым.

Но если жизнь — то золотуха, то понос,
напрасно на судьбу не злись ты.
А краски кончились, и ветер холст унёс.
И я засунул в жопу кисти.

29 декабря 93

* * *

Что гений — парадоксов друг,
сказал не кто-нибудь — поэт!
Моё же творчество банально,
но и оно парадоксально,
что сочинять тебе могу не вдруг,
а лишь когда тебя и близко нет.

30 декабря 93

А вдруг она — не та?
Кричу себе: «Счастье не прогляди!»
Ночь. Темно. Пустота.
Не кончается боль в груди.

В моей фиге большой палец — самый большой.
Кричу: «Накося выкусь его!
Выходи за утино
замуж. Жизнь будет — во!»
Даже крикну вослед: «Бог с тобой!»

А со мной, ну, какие гарантии к херу!
Бабник я и алкаш, только что не дымлю атмосферу*.
Да и планки мои высоки...

И вообще: пошли вон, дураки!

30 декабря 93

* — написано во время очередной попытки бросить курить.

Это мелочь, конечно, но всё же,
что тогда ожидает в большом?!
Сам себе говорю я: — Утрись!
Когда меня сигареты дороже,
напрасно лезть на рожон.
Свободна ты — хоть обкурись!

Один дома я быть не смог —
непрерывен с тобой диалог.

2 января 94

В загадке этой мало проку —
«И» не сидела на трубе.
Так, если я стремлюсь не к Богу,
то однозначно топаю к тебе.

26 января 94

От Вас, мадам, слегка устав,
себя не знаю куда деть.
«Большое видится на расстояньи», —
вдруг подсказало мне сознание.
И я теперь, дистанцию создав,
пытаюсь вас оттуда разглядеть.

16 февраля 94

Ты мой вдохновенья источник,
к тебе припадаю
и пью, пью и пью...
А потом отползаю
и упадаю —
иначе я лопнуть могу.

16 февраля 94

Два дня назад страдал, упившись,
вчера доска башку пробила,
а нынче Финка подкузьмила:
в твои одежды нарядившись,
фальшивый фантик мне вручила.

30 марта 94

В мире много различных дорог —
выбирай по душе себе —
но едва выхожу за порог,
спотыкаюсь о букву Б.

Я твержу, что всё перемелется
в утешение сам себе:
даже Солнце — и то изменится,
а тем более буква Б.

Только надо просто освоиться
и упрямится ни к чему
с тем, что Б всё никак не становится
и не станет, видать,
и не сможет стать
всего-навсего буквой У.

20 мая 94

(из античной лирики)

Я ручку взял и взял листок,
чтоб написать тебе стишок,
что волосы твои — пучки укропа,
а голова — ночной горшок.
Что мне твои живот, бедро, сосок,
когда я сам — такая жопа!

сентябрь 94

*Харьковские девочки
Лучше всех, наверное...
И. Имамалиев*

Ну, здравствуй, мой любимый город!
Такие женщины в меня бросают взоры! —
ведь не слепой я и не в шорах,
и есть ещё в пороховницах порох...
Но пробивается сквозь телефонный треск и шорох
Такой желанный и родной твой голос.

сентябрь 94

Перекроить твои груди
мне показалось мало
и, помышляя о чуде,
я сделал живот тебе новый...
В ответ, улыбаясь, сказала:
— Скульптор ты мой хуёвый!

19 мая 95

Когда от одиночества поникнешь
и мир обступит, нелюдим,
то если ты себя окликнешь,
ответит эхо голосом моим.

19 марта 96, Самара

Опять ни слова о тебе

Не желая других связей,
я туман произвожу.
Чтобы нас никто не сглазил,
о тебе не расскажу.

Если кто-то в душу влазит,
как живём мы — пошучу.
Чтобы нас никто не сглазил,
о тебе я промолчу.

Тс-с-с!..

21 октября 96

Конечно, Waits — засранец,
но и ему голубизна чужда,
и мы с ним, выпив малость,
скучаем без тебя
и воем ночью на Луну:
— А-у-у-у!.. А-у-у!.. А-у!..

3 июля 97

ТЕЛЕГРАММА

ЛЮБЛЮ БЕЗУМНО
ХОЧУ БЕЗМЕРНО
ЗВОНЮ ЕЖЕДНЕВНО
СОСЕДИ-ГАДЫ ТРУБКУ НЕ БЕРУТ

3 июля 97

* * *

Чтоб не зашли дела в тупик, —
ведь может и такое случиться! —
нам для общенья дан язык,
не только дабы потреться.

* * *

Мне жить с тобою — в наслаждение,
проси, что хочешь — всё я подарю!
Который год я за твоё рождение
Всевышнего благодарю!

2006

Ища мою Заю,
впустую машу руками.
Ни тело, ни древо, ни камень
не осязаю.

Как шарик спущенный да в проруби
болтаюсь, начинаясь с буквы "К".
Где ты, любовь? Остались голуби,
что худосочнее цыплёнка табака.

Маячу ли, маюсь,
оставшийся с носом — что Сирано,
в поисках запаха —
интим? Извиняюсь —
платок, поясок ли, ночная рубаха...
Мечусь по квартире, но
всё, блин, постирано!..

Ночная шиза́ косит совсем:
десять, девять, восемь, семь... —
минуты отсчитываю назад,
но часы-то... Часы стоят!

Ну, пусть я с приветом,
рехнулся совсем, —
сижу до рассвета
разутый, раздетый,
молюсь на модем —
но нету ведь, нету
у них интернета!..

...Дальше — больше: и я — не я,
дуть забросил в свою дуду.
Затаив дыхание
до потери сознания,
повторяю как заклинание:
— Дорогая, я жду тебя, жду тебя... Жду.

2011

Зима Виннипега

Карта мира

(Детские стихи. Исполняется звонким пионерским голосом)

Мы на школьном на уроке изучали города, —
кто родился где и вырос иль бывал когда.

Мы на карте отмечали,
где однажды побывали
и везде, где вспоминали,
мы флажками протыкали.

Даже видно с задней парты —
все истыкано на карте.

Я гляжу на этот мир —
нету места в нем от дыр!

Вздрыгнул я невольно —
городам ведь больно!

Люди корчатся от боли
там, где мы их прокололи.

Стало мне их жалко —
вытащил булавки.

...День прошёл. Что будет завтра?

Ветер нынче холодит...

На костре все та же карта
синим пламенем горит...

Дела мои не так уж плохи,
но на работе — видит Бог! —
или я глухну, как Бетховен,
теряю ль уши, как Ван-Гог.

К чему тут "не" и слово "плохи"?
Ты позитивнее пиши,
забыв про жалобы и вздохи:
"Дела ужасно хороши!"

Оценил бы кто, что мною пройдено,
указал бы мне путь для ночлега.
Нет сомненья, что осени в Болдино
подрёней зима Виннипега.

Шатая трезвости устои,
любой я в винном утолю каприз.
Но в этой местности зимою
предпочитаю антифриз.

Пройдя по жизни полдороги,
я сам с собой шельмую что-то:
стараюсь подвести итоги,
не отдавая в том отчёта.

Зайку кинула хозяйка —
вот ты блин такая ж стерва! —
на мороз босым косого...
В этом мире чистогана
каждый ищет свою прибыль.

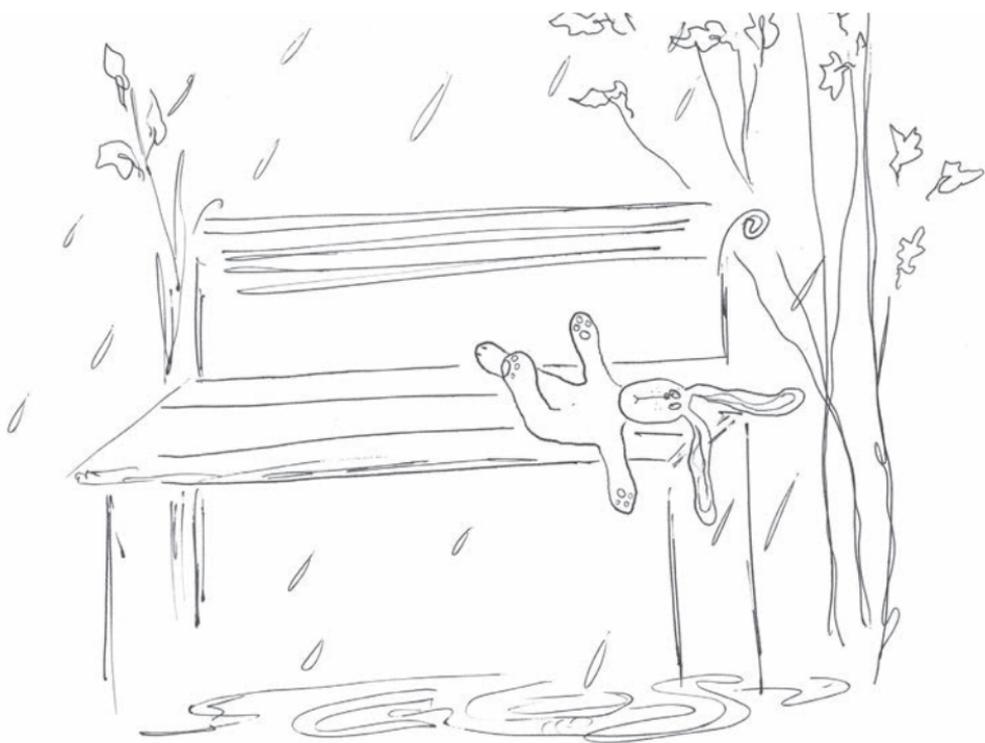

Рисунок Натальи Бобрецовой

В ладошки ты лица не прячь
и громко, Танечка, не плачь.
Да, не утонет в речке мяч,
как ты сейчас!..

Бычок уж не качается
от страха на губе,
лежит себе валяется,
как будто вещь в себе —
что и курильщик в той же луже крови.

Мишке лапу оторвали,
в неё ваты напихали...
С ними лучше не водись ты!..
Кто они?! — Таксидермисты!

Настанет день — из журавлиной стаи
я вылечу навеки и со свистом.
Вот тут меня и приласкает
заботливо рука таксидермиста.

Игорю Левину

Твоя тоска по умной бабе
Неутолима потому хотя бы,
что бабы — те, кто поумнее, —
тебя завидев, на глазах тупеют.

Когда ж пройдёшь ты стороной
и нет другой опасности,
опять умны они, друг мой.
Видать, манёвр у них такой —
На кой им неприятности?!

Бывают и такие мемуары

И.Л.

Преодолев полмира в самолёте
и на таможне, Бог весть знает сколько,
известный Губерман обнять готов любого был.
Им я случился. После выступленья
великий мэтр стихи мои заслушал,
благодаря судьбу за отдых связкам,
и молвил: «Пьёшь ты много лучше».
Коньяк употребили вместе с ним.
С Егоровым прошлись по водке.
Также с Кочетковым в своё время
и с Лоресом, и с Мирзаяном...
В одних трусах мне Кукин наливал портвейн,
и с Розенбаумом в его роскошном люксе...
С Захарченко мы тоже занимались не любовью.

Я и с тобой бы выпил, мой читатель,
чтоб зафиксировать тот факт,
что живы все пока мы!

Одному «эстету»

Да не скрипи пером ты ржавым —
послушай песни Окуджавы:

Совесьть, благородство
и достоинство —
не имеют названные воинства
общего со скотством.
Как ты ни взгляни,
но в них единства
нет ни с пьянством, ни со свинством.
Извини.

2009

Моя колея

Силам размежевания

Вернулось снова и достало —
чтоб я плясал под их дуду?!
О, право слово, заебало!..
Мне ваши танцы не в пизду.

Не корчу из себя поэта —
высоколобого эстета...
Коль чувство нежное задето —
кого куда я там послал?! —
я положил (или наклал?)
на то, что я не оправдал.

...Вот такая не мёда струя,
и раскаянья нет ни хуя —
потому что моя колея.

2017

Сомкни покрепче свои уста —
грядёт начало Большого Поста.

Апокриф

«Равви, к нам идёт твоя родня!»

Он поморщился: «Хуйня!..»

Записал Лука: «Бог с ними!

Спас бы я себя

или ещё кого,

живя,

во плену невысказанного ими?»

Посвящается эмиграции

Лене Батакшевой

От российской кутерьмы,
не изведав ни тюрьмы, ни сумы,
мы сбежали... Суки мы!

Растаял след и не видать с кормы
Москвы, Калуги, Костромы...
Ну что тут скажешь? Суки мы.

Не донесёт сюда Отечество дымы,
не доплывут с Кукуева ломы.
Отныне стали суки мы.

Видали горы, океаны и холмы,
в озёрах наших не уклеики, а сомы
и мы рыбачим... Суки мы.

Мы джинсы носим "от фирмы"
и мокасины — не пимы,
все потому, что суки мы.

Хоть знаем пару языков, косноязычны и немы,
не можем связно повторить псалмы.
Кто мы теперь? Да суки мы...

К нам не заскочишь попросить взаймы,
не позовёшь купаться посреди зимы.
Сомнений нету — суки мы.

...Эти строки я писал не от скуки, —
словно в камерах перестуки,
чтобы знали все: суки мы... Суки.

18 сентября 2007

Письмо Александру Галичу

*«Похуже Мамая — свои...»
А.Галич*

В органах довольно
руки потирают:
значит, не в ответе,
коли самовольно
дочка пресекает
папу в интернете.

Плохо спится по ночам дочерям,
всё решают: с наследством как быть,
тропы топчут по судам к писарям,
чтоб с другими ничего не делить.
Чтобы было — "только мне, только мне!",
и копаются, как мухи в говне.
Псевдоним Ваш на семью примеряют
и прилюдно со слезой вспоминают,
как "папочкой милым была я любима"...

Да, сегодня стыдиться немодно и
на площадь, Аркадьич, взгляни —
бьётся грязное Ваше исподнее
вместо знамени у родни.

Дочь, конечно, может мне возражать,
мол, её это полное право
гонорары за отца получать
и делить с ним хоть капельку славы.

...Всё под стражею рубля.
Всё под стражей, как давеча.
Бродский молвил "ох ты, бля"...
Не твои, Алёна, песни, а Галича.

Мелочен, ничтожен человек,
скушен в мерзости и ленисти...
Персонажи Галича ожи́ли
и в рыночный век, в продажный наш век
на все его ценности — вечные ценности! —
ценники наложили.

...Я Вам написал, правда, Вы не просили.
Ответа, конечно, дождусь я едва ли.
Не возвращайтесь в Россию!
Вас ждут там?! Солгали!
Поверьте мне, Галич,
Вам стыдно будет в ЭТОЙ России!

2008—2009

Леониду и Николаю

Внуки Каина
внукам Авеля
покаяние
несут в горсти
и губами шевелят
с опозданием:
— Господи, помилуй и прости...

2009

Другой формат

(неритмованное)

Хор

(авторская версия, все совпадения имён случайны)

— ...Мы передавали русские народные песни в исполнении хора имени Николая Алексеевича Некрасова.

Я выключил приёмник. Нет, этот «народный» хор был фальшивым. Пели они, конечно, здорово, но... исторически недостоверно. У того же Некрасова такого хора быть не могло. Во-первых, тут профессионалы, голоса берегут, а там — в то время — забытые мужики и бабы, любители. Во-вторых, нынешний хор состоял из человек пятидесяти, а где Некрасову набрать столько? Кому-то надо и работать, не всем же глотки драть. В-третьих, бытие определяет сознание, ну а какое сознание, когда живот к хребту прилипает?! Не распоёшься...

Как-то, для своей утехи, Николай Алексеевич Некрасов катался по Волге на пароходе и свысока разглядывал через лорнет её поросшие зеленью берега. Но приятность живописного пейзажа была прервана неэстетическим видом группы измождённых людей, впряжённых в баржу и тянувших несколько нескончаемых слов на один и тот же убогий лад. С крайним раздражением знаменитый поэт воскликнул:

— И этот стон у нас песней зовётся!

Раздосадованный на тёмный люд, он вернулся в своё поместье. Через мгновение от него выскочил приказчик и помчался выполнять какое-то поручение. Уже к обеду душ сто крестьян было собрано. Так они стояли у парадного подъезда, пока хозяин кушал, так же тихо вели себя, когда он отправился почивать. Проснулся Николай Алексеевич в хорошем расположении духа, горничная подала ему кофий. Употребив его, он увидел, из окна своего кабинета толпу, жарившуюся на солнце.

— Охо-хо, — пробормотал барин, — где бы русский мужик не страдал... — и вышел к собравшимся.

Усевшись в тени колоннады, он дал знак. Перестали щебетать птицы, смолкли стрекотавшие кузнечики, и люди запели.

Они стояли шеренгами, строго по линейке, как в строю. Вперёд выдавался лишь живот беременной Аграфены, по слухам носившей дитя помещика. Старый однорукый Харитон, в слезившихся глазах которого застыл сын, забранный на днях в рекруты, старательно следил за своей артикуляцией. Ещё свежи были рубцы от розг у солиста Никишкина Фёдора, не вовремя поклонившегося барину, писавшие бессмертные стихи о народе. Вдовая Прасковья рассчитывала хорошим пением ублажить Господа, прибравшего месяц назад её младшенького, чтобы Он заметил её и пощадил остальных. А зерно налилось, и надо убирать хлеб, пока нет дождей, а дома ползают без присмотра голодные дети... Ничего, Бог терпел и нам велел, — слушай, барин, слушай!

На их лицах сидели мухи. Грубые руки, оторванные от работы барской прихотью, висели вдоль тела. Жёсткие подошвы ног стояли в придорожной пыли... Тут Некрасов поморщился — в лесу раздавался топор дровосека. Из сарая вышли два здоровенных мужика и скрылись в чаще. Потом топор замолчал, послышался крик. Потом и он стих, и пение продолжалось.

Крепостные пели так, как дают клятву. И глаза их светились надеждой, что Бог услышит. Что не будет голода, что не будет смерти, что сын вернётся из армии, что барин будет добрым, что будет, будет на Руси жить хорошо. И голос их крепчал, голос гремел, заполняя всю округу. Вот он уже был слышен в ближайшем городе, в других городах. Голос висел над страной! Как они пели, Хор имения Николая Алексеевича Некрасова!..

Министерство Государственной Безопасности СССР
Центральный архив

Майор

(Фантасмагория, основанная на реальных событиях)

Северному Сообществу посвящается

— А что это за шаги такие на лестнице?..

— А это нас арестовывать идут...

М.Булгаков «Мастер и Маргарита»

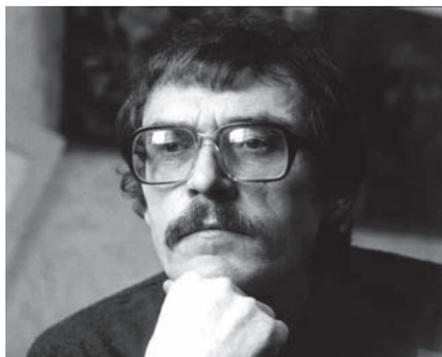
ДЕЛО по обвинению

На протяжении всей моей жизни судьба сталкивала меня с хорошими людьми. Ну, ей Богу, просто везение какое-то. Взять, к примеру, майора Д.. Вот послушайте.

Родился Д. в семье высокопоставленного работника НКВД со своим охранником и шофёром. Жили в семье просто, без излишеств, руководствуясь высокими заветами. Сына своего воспитывали в труде и учёбе, чтобы вырос из него достойный член общества. Ведь именно ему, их единственному ребёнку, предстояло жить при коммунизме. Бывало, отец сажал любимое чадо на колени и, тыча пальцем в фото улыбающегося грузина, любовно вставленное в рамку, приговаривал:

— Расти, сынок, будь любознательным, сильным, стойким, беспощадным к врагам нашей державы, как учит, — тут в его голосе появлялись благоговейные, трепетные интонации, — как учит нас мудрый вождь товарищ Иосиф Виссарионович Сталин! Ты должен гордиться, что родился в лучшей в мире стране с самым лучшим строем. У нашего народа много врагов и ты, малыш, будешь бороться с ними, как твой отец!

Вот с таким завещанием и вышел юноша Д., ставший к моменту нашего знакомства майором, в жизнь. Он горячо любил своих родителей и старался оправдать их надежды. И не удивительно, что вскоре сам включился в борьбу против тех, кто мешал его Отечеству. Понятно, что изучение истории, литературы, языкознания, вопроса о нациях и национальностях, а чуть позже — материалов XX и XXII съездов, расширило его кругозор и сформировало сознание интеллигента.

Людмила и Геннадий Араслановы

Ну, а тяга к знаниям, как известно, она — палка о двух концах. Раз при обыске заглянул Д. в конфискуемую книжку да зачитался, очень уж там интересно про социализм написано было. Но ничего не попишешь, закрыл он творение антисоветской пропаганды, автора запомнил и название, пошёл и сдал в макулатурный отдел ГБ. Там за килограмм изъятой литературы давали талоны на Дюма, Купера, Буссенара. В этот раз он «Монте-Кристо» отхватил, «Графа...». А червячок в душе у него завёлся. Знаете, тут как алкаш, дальше — больше. И стал наш товарищ Д. потихоньку собирать труды диссидентов и прочих любопытных писателей.

Книжки присвоенные читал он дома, даже мотивировал поначалу для своего успокоения — для дела знакомлюсь, изучаю, мол, чтобы бить врага его же оружием, только так. Но вот какая жуткая неприятность случилась с ним: поверил он этому самиздату, полюбил его. И стал с тех пор молодой сотрудник органов не столько на государственную безопасность, сколько на себя работать. Как это было? А вот как.

Перед тем, как нас свела судьба, у майора Д. была завидная библиотека. Вернее, их было две. Одна занимала целую стену и была выставлена для всеобщего обозрения — там Дюма, Купер, я раньше говорил. А была и другая. В домашнем кабинете, куда кроме него не входил никто, даже близкие. И чего там только не было!.. Простите за каламбур, не было там четырёхтомного издания Н.Гумилёва с предисловием профессора Струве. Другие были, а этого нет. Д. уже фанатиком-библиоманом стал — всё ему подавай! Он и расследования стал затевать не просто так,

а с прицелом на книжки. Если нет ничего новенького, может напугать до смерти и отпустить, а чаще кому-нибудь другому перекинет из сослуживцев: пусть возьмётся, допрашивают, мол, не жалко, я ещё поймаю. Такого добра пока хватает.

Вот из-за этого предисловия господина Струве мы и встретились. Стукнул кто-то на меня, а бдительный майор тут как тут с обыском. Разыскал изданице — и к себе в портфель, чтобы нашей стране не досталось. А чтобы без добычи не оставаться — без меня то есть, он взамен листовки какие-то вынул и как рявкнет:

— Вот ты, блядь, чем занимаешься! Пропаганду разводишь, социализм подрываешь! Гнида!

Тут понятия как подскочат, как проснутся, глаза трут, что за шум пытаются понять. А Д. им бумажки эти под нос суёт: на, мол, видели? А вот здесь распишитесь.

Допрашивал он не так, как все, другие вопросы задавал. Материал для обвинения он зачастую выдумывал, особо не усердствовал, а так, чтобы лет семь на улице не встречаться. Большой интерес у него вызывали связи: кто что давал почитать, может, что-то обещали дать, где взять?

Я, проникнувшись, как-то посоветовал ему:

— Пункт приёма макулатуры завели, а книгообмена у вас нет. Ты бы по целевому уже всё бы достал, что душе угодно. Да вас на хозрасчёт перевести, была бы порядочная контора...

Сначала он слушал благосклонно, а вот за «контору» обиделся, вон двух зубов нет.

Совесь, правда, у него была. Может, о ней ему папаша рассказывал, может, дурная наследственность, но лучше б её у него не было, это точно я говорю. Знаете, в камере днём ни спать, ни лежать не положено. Для этого, говорят, есть другое время суток, здесь, говорят, не курорт, а кто не согласен... Достаточно аргументированно, правда?

Отработав положенные часы, майор Д. шёл домой, ужинал, смотрел телевизор, желал детям спокойной ночи. Потом он забирался у себя в кабинете, проверял шторы на окнах, включал настольную лампу, полистывал Солженицына, ставил на магнитофон плёночку Галича на сон грядущий... Вот тут и вступала в свои права она, совесь. А с ней, как известно, не до сна, она,

дура, покаяния просит. Одолеваемый её приступами майор выскакивал в коридор, спешно одевался и, показывая пример коммунистического отношения к труду родным и всем, кто его видел в столь поздний час, мчался в тюрьму.

Ещё моя голова не успела коснуться нар после отбоя, как в камеру ворвался дежурный надзиратель и потащил меня к нервно поджидавшему майору Д.. Как только мы остались одни, он не то чтобы накинулся, он обрушился на меня:

— Ты пойми, — он умоляюще заглядывал мне в глаза, — ну, не я б тебя взял, так другой. Это же как дважды два. Я не виноват перед тобой, это всё система. Это она насилует тебя и тебе подобных. И меня она тоже насилует, да-да, понимаешь, и меня. Она коверкает наши души и наши жизни. В мире государств и в помине нет никаких свобод и демократий, ни здесь, ни там. Свобода, равенство и братство — детсадовские сказки. Всё диктуется руководством: и свобода, и несвобода. Сегодня здесь, а завтра — там. Диктат, кровавый и беспощадный диктат...

Добрейший человек, противник любого насилия Д. говорил до утра. Он убеждал, доказывал, спорил, сыпал цитатами практиков и теоретиков революции и государства, столпов идеологий — и коммунистических, и буржуазных, переведённых на русский язык и нет. В последнем случае он говорил на языке оригинала, давая свой подстрочный перевод.

Перед тем как меня вводили в камеру, он долго извинялся:

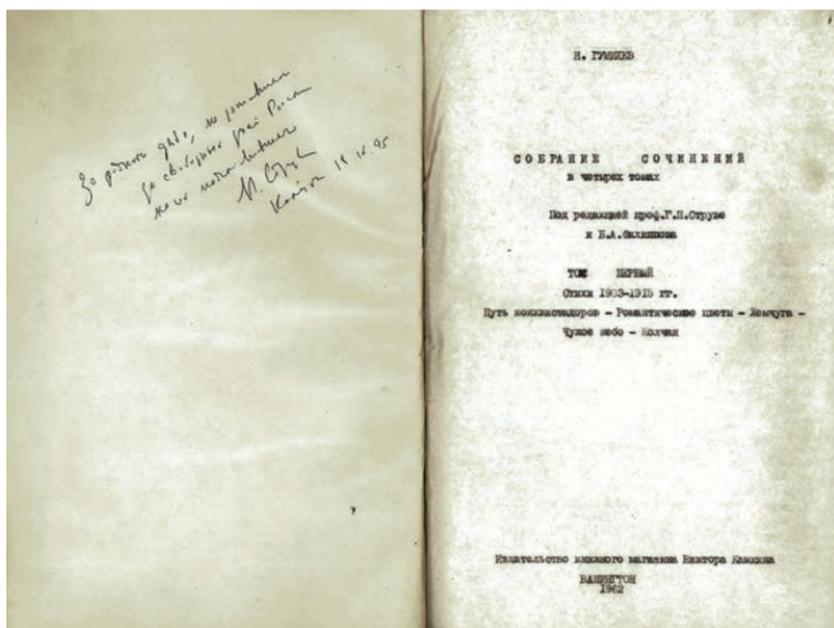
— Я вижу, ты плохо выглядишь. Я тебя совсем замучал, да? Не высыпaeшьсЯ? Ты прости меня, ладно? Я бы давно тебя отправил по этапу, но в лагере ещё хуже, чем здесь, честно, ты сам потом убедишьсЯ. А мне ведь и поговорить кроме вас, бедолаг, не с кем. Я ведь сослуживцев своих боюсь. Они и своего посадят. Не люди — волки. Ну, ты больше не обижаешьсЯ на меня? По рукам?

Тут начинался рабочий день, и совесть отпускала его.

Вот каким я знал замечательного человека, майора Д. все свои силы отдававшего работе, чья фотография бессменно висела на доске почёта областного управления ГБ.

Примечание:

Глеб Петрович Струве (19 апреля (1 мая) 1898, Санкт-Петербург — 4 июня 1985, Беркли (Калифорния), США) — русский поэт, литературный критик и литературовед, переводчик. Сын философа, историка, экономиста, общественного и политического деятеля П. Б. Струве. С 1916 года и до момента отъезда в эмиграцию — студент Петроградского Политехнического института. В 1918 году вступил в Добровольческую армию генерала М. В. Алексеева. В 1919 году вместе с отцом переехал в Великобританию. Окончил Оксфордский университет (1921), получил диплом по новой истории. Жил в Праге и Берлине (1922—1924), в 1924—1932 — в Париже, в 1932—1947 в Англии, занимаясь журналистикой и сотрудничая в русских эмигрантских изданиях. До 1947 года преподавал в Лондонском университете. С 1947 жил в США. Был профессором кафедры славянских языков и литератур Калифорнийского университета в Беркли, читал лекции в Колумбийском, Гарвардском, Вашингтонском, Колорадском и других университетах США и Канады. Был удостоен почётной степени доктора права Торонтского университета (1971), в 1977 году избран почётным председателем Ассоциации русско-американских учёных в США (Русской академической группы в США). Многие годы Глеб Струве посвятил популяризации в странах Европы и Америки творчества русских писателей, изданию их книг в Нью-Йорке, Вашингтоне, Париже, Мюнхене; писал к ним вступительные статьи, комментарии. Совместно с Б. Филипповым подготовил к изданию собрания сочинений Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой, Николая Заболоцкого, Николая Гумилёва, Николая Клюева. Издал письма Марины Цветаевой с комментариями. Подготовил к печати и опубликовал «Лебединый стан», «Перекоп» М. Цветаевой, «Реквием» А. Ахматовой и т.д. (Источник: Википедия)

Автограф Никиты Алексеевича Струве (племянника Г.П.Струве) на упомянутой в рассказе самиздатовской машинописной копии, подаренной мне Араслановыми:

"За родного дядю, не дожившего до свободных дней России, но их подготовившего.

Н.Струве.

Калуга 18.12.95."

Никита Алексеевич Струве (16 февраля 1931, Булонь-Бийанкур, Франция — 7 мая 2016) — французский русист, издатель и переводчик, публицист, исследователь проблем русской эмиграции и культуры России. Окончил Сорбонну и с 1950-х годов преподавал в Сорбонне русский язык. В 1991 году в Москве открыл издательство «Русский путь». Переводчик на французский стихотворений Пушкина, Лермонтова, Фета, Ахматовой и других поэтов. Автор фундаментального исследования «70 лет русской эмиграции» (1996).

(Источник: Википедия)

Визит

К голодному и давно небритому Марксу, в унылой лени созерцавшему худую заплатку на нестиранных штанах, ворвался чистенький, аккуратненький, весь с иголки Энгельс.

— Карлуша! — закричал он с порога, — Душенька! На тебе сто рублей! Работает твоя теория, как есть работает! Даёт прибавочную стоимость. Хо-хо! Живём!.. Ты пиши, пиши дальше... К коммунизму через капитализм — это ты здорово, брат, придумал, честное слово. Вот ты подумай, как бы увеличить продолжительность рабочего дня... Что из этого выйдет, а? Подумай на досуге, тебе все равно, что бы ни делать, лишь бы ничего... Получишь ещё сотню. Вот на тебе авансик, десяточку. Только ты не спи. Сходил бы, побрился что ли, брючки бы себе купил... Ну, пока!

И Энгельс убежал на свою фабрику, где над входом двое рабочих прибивали лозунг:

СВОБОДА ЕСТЬ ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ
ТРУД ДЕЛАЕТ СВОБОДНЫМ

Росток

Маленький приграничный городок затих в дневном ударном труде. Тишине мешали мухи, с тупым упорством пытавшиеся пробить оконные стекла, да голос молодой учительницы, загнанной в эту дыру неумолимым распределением.

В ветхой школе постройки середины пятидесятых годов под мерное гудение других, опытных преподавателей, давно постигших премудрости всеобщего бесплатного обучения и не надрывавшихся зря, лилась её звонкая речь. После того, как в её классе стала сыпаться штукатурка, она перебралась в кабинет начальной военной подготовки. Он был гордостью военрука в нашей школе. Ежегодно военрук мобилизовывал родителей своих учеников на безвозмездный труд во славу советской школы и нашего будущего — детей. У него этот лозунг и в классе висел, так красиво: «Дети — наше будущее!» и рядом, для зрительного запоминания, плакат — ядерный взрыв и его поражающие факторы. Все стены были увешаны наглядной агитацией, демонстрирующей умерщвляющую мощь техники, выписками из устава с картинками, где на плацу маршировали солдаты, все на одно лицо.

Все это очень кстати подходило к сегодняшнему уроку, который вела учительница у единственного третьего класса.

— Дети! — сказала она, — сегодня я расскажу о нашей армии. Сегодня вся наша страна отмечает день пограничника, а совсем недавно мы праздновали День Победы над фашистской Германией. Петя, выйди к доске и напиши: «Над нами чистое небо...»

Тут стало слышно тихое тарактение мотора, и спортивный самолёт, чуть не коснувшись крыши, пролетел с запада на восток, навстречу солнцу. Некоторое время он ещё был виден пятном на сияющем диске, затем превратился в точку, а там и вовсе исчез в его лучах.

— Продолжим, ребята, — сказала учительница, снова привлекая внимание класса, — ...над нами чистое небо, потому что его бдительно берегут советские воины. Сразу после Великой Октябрьской Социалистической революции по решению Советского правительства была организована Красная Армия.

Поэтому мы и отмечаем праздник Вооружённых Сил... — правильно — 23 февраля. А сколько лет нашей армии? Шестьдесят девять, всё знаете. Она нужна для того, чтобы защищать нашу страну от врагов. Капиталистические страны только и ждут момента, чтобы напасть на нас, как это сделала Германия в 1941 году. Помните, какие страны называются капиталистическими? Это Англия, Франция, США, Япония, ФРГ и многие другие. Ну, кто из вас назовёт социалистические страны?

Тут и там поднялись руки, и ученики начали наперебой выкрикивать:

— Польша! Болгария!

— Чехословакия! ГДР!

— Куба!

— Монголия!

— Правильно, дети, — прервала учительница, — а как они смогли стать социалистическими? Им помогла наша армия, наш народ. Вот и сейчас по просьбе афганского правительства наши войска ведут бои в Афганистане, защищая семь лет начавшуюся там революцию...

Вечно неугомонные дети ловили каждое её слово, а Петька-то, шалопай и двоечник Петька, чуть ли не впервые слушал, раскрыв рот. Учительница, увлекаясь и увлекаясь, рассказывала им, пока не вздрогнула от звонка, так неожиданно громко прозвучавшего в этой странной тиши. Кивнув классу и закрывая журнал, она подумала, глядя на всё ещё неподвижного Петьку: «Вот я сеятель, и всё моё зерно упало в душу этого маленького человечка».

После занятий Петька сразу отправился во двор. Там, около мусорного ящика, уже гоняли консервную банку его дружки. Он подошёл к ним и заговорщически сказал:

— Пойдём на стройку костёр жечь. У меня во чё есть. Вчера у отца стащил, — и показал охотничий патрон, — грохоту будет!

Стройка пустовала.

— Надо смолу найти и доски вон там взять, — делово показал Андрейка куда-то, — я там их видел, — и посмотрел на остальных. Других предложений не последовало и, предоставив ему шагать вперёд, мальчишки, прыгая по грудам кирпичей и плит, отправились вслед.

По пути они остановились, увидев незнакомого мальчишку, усердно раздувавшего пламя под сложенными шалашиком щепками.

— Эй, пацан, ты что тут делаешь? — крикнул Петька и прыгнул с железобетонных блоков вниз.

— Во-о-от, жгу, — неуверенно протянул парнишка.

— А теперь здесь будем мы. Идите сюда, — позвал Петька дружков, а ты — свободен! Топай!

Он отвернулся и победно взглянул на своих.

— Я сюда первый пришёл, — возразил незнакомец.

— А сейчас будешь последний. Ну, мотай отсюда. Живо! Ты что, глухой?! — Петька перешёл на угрожающие нотки и не спеша стал придвигаться к нему, — Ты что, капиталист проклятый? А мы — красные, нас большинство, понял?! А ты один. У тебя костёр, а у нас ничего. Мы тебя победим сейчас.

Они уже стояли вплотную друг другу. Тут кто-то сказал:

— Петь, ну его, пойдём. У нас лучше будет.

— Ты что не понял? — ещё раз спросил маленький завоеватель и ударил молчавшего мальчику по лицу. Также молча тот вытер кровь, потёкшую из носа, и стал медленно пятиться, переводя глаза то на обидчика, то на ребят, с любопытством наблюдавших за происходящим.

— Повторить?! — и, не дожидаясь ответа, Петька резко ткнул его кулаком под дых. Постоял немного, чуть подумал и ударил ногой согнувшуюся пополам жертву. Его противник вскрикнул и, постоянно оглядываясь, побежал, размазывая по лицу кровь.

Петька победно заулюлюкал вслед, повернулся и подошёл к костру. Он вынул из кармана патрон и поставил его на кирпич.

— А пуля где? — спросил Андрей.

— Дура, этот дробью заряжен, а не пулей. А дробь — вот тут, внутри.

— А строительный тоже без пули.

— Тем убить нельзя. Неинтересно.

— Зря мы его, — неожиданно сказал Тимоха, глядя в сторону, куда убежал неизвестный мальчик.

— Путь не задаётся.

Все замолчали. Потом Петька вспомнил:

— А нам сегодня на уроке про армию рассказывали. Я, когда вырасту, солдатом буду. В Афганистан поеду. Или ещё куда...

— Ага, а тебя, как моего брата, привезут оттуда в цинковом гробу.

— А почему в цинковом?

— Говорят, чтобы не воняло.

— А я буду хорошим солдатом и всех их постреляю, — Петька задумчиво почесал грязным пальцем верхнюю губу, а когда убрал руку, под носом осталась тёмная вертикальная полоска сажи.

Андрейка закричал:

— Смотри, усы получились! Усы! — и запрыгал вокруг костра.

88

Примечание:

В рассказе описываются события, происходившие 28 мая 1987 г. когда, в день Пограничника, 19-летний западногерманский лётчик-любитель Матиас Руст на спортивном самолёте "Цессна-172" прилетел в Москву и приземлился на Красной площади.

Максимыч

Это ж, мать твою, сдохнуть можно — они рапортуют!.. Нет, ты слышал: они рапортуют!.. На все сто! Это Рапопорт пусть рапортует — они же все в жопу пьяные на работе ползают. Спирт, бляха-муха, на науку должен идти, а они с утра как нажрут, весь день по этажам кувыркаются. Говнюки сраные... Мы, бля, общественные работники! Ёбщественные они. Потому что дерут наше общество и в зад, и в глаз!

Во, Максимыч-то пострадал? Пострадал, пострадал... А-а-а, ты молодой, не знаешь. Ты вон радио выключи, ага. Погиб на хрен товарищ. Помянем... Ты слушай, клюв не вороти, у нас это все пьют. Это рефти... репти... Это рефтикикат. Высший сорт. Ты консерву взял, читай: пе-е-ервый со-о-орт. А спиртяга высший! Вот и Максимыч такой был — во мужик! Только обязательный слишком. Всё делал! На него всё вешали — давай, Максимыч, тяни, туды её!.. А он тянул. Мы похерим, а он тянет. Он в два года загнулся. А началось всё с чего? На Новый год собрались бухнуть нашим научным подразделением. Решили у парторга, он с женой в разводе, а хата у него — что надо. Пой, пляши... Мы у него частенько собирались, он кирнуть не дурак, компанейский мужик. Ну, обычно-то возьмём с собой, кой-чего из закуси прикупим и — будь здоров! А тут бабы наши ёлку захотели! Очумели совсем. Они как вмажут — на хрена им ёлка! Им бы погудеть вдали от семьи. Может, кто и трахнет с перепоя, комнат-то много. Будет потом что вспомнить. Ну, ёлка — так ёлка... Гулять так гулять!

Уже за стол сели, а тут шеф просёк. Звёздочку, ети её мать, забыли повесить. Кто крайний? «Максимыч, Максимыч!» — кричат, — «Бери звезду насаживай!» Он и полез на ёлку. А уже датый. Стоит, чтоб не шататься, за ствол держится. А начальник ему кричит: «Разобьёшь, гад, с Доски Почёта снимем!» А Максимыч возьми и упади. Позвоночник сломал чуточку и руку порезал. Ну, рука-то зажила быстро, а сам он только к декабрю выписался. Вот тут на него и насели засранцы-нахлебники. Давай, говорят, паши, сучки чёртовы... Видишь, мол, мы тут обязательства принимали. Он принимали, а мы разгребали... Каждому, нет ты представляешь, каждому надо отпахать два дня в колхозе, два на

стройке, день в Фонд Мира, два коммунистических субботника и ещё много всякой хреновни: лекции, стенгазеты, туфта всякая... И всё это Максимыч должен был успеть до конца года. Мы целый год корячились, а ему — за месяц. Ему бы по-умному послать их разом, но не умел товарищ. Пахал Максимыч без продыху. Круглосуточно и без выходных. К Новому году всё, бля, сделал. Передовик!

И опять праздник, врезать, ой-ля-ля! И поди ж ты, опять звезду не повесили. Вот где ёлки-моталки. Бабыё, видите ли, до макушки дотянуться не может. Понизу всякие игрушки-фуюшки повесили, а наверху пусть дядя кувыркается... Кто?! Максимыч! И полез ведь, козёл неугомонный. А тут шеф... Молчал бы уж, видит ведь, что человек для него, пердуна, старается, так нет!.. «Максимыч, — говорит, — хрена ж ты лабораторию подвёл? Нас с грёбанного соревнования снимают, мы, мол, четыре дня на ДНД ходили, а ты только три». А наш Максимыч дёрнулся, бедолага, воздух глотнул и рухнул вниз. Перешиб позвоночник и... руку порезал. До лета ещё протянул. Когда мы его хоронили, пол-института плакало. Его и с доски почёта не стали снимать. Так и висит посмертно. Ну, давай выпьем, что ли... Светлая тебе память, Максимыч! А эти, жопы с ручками: обязательства на сто процентов...

88—89 (?), написано в НИИ Материалов Электронной Техники

Запах власти

День 1

Шум, поздравления, одобряющие кивки — это всё мне. Да, старик был неплохим человеком, ладить можно было. Умер на посту, в кабинете. Туда сегодня не заходил, должны всё вымыть. Видел газеты. На первой странице — я. Бумага плохая. Бывший в чёрной рамке просвечивается сквозь лист, и рамка приходится и на мой портрет. Надо решить вопрос с бумажной промышленностью. Нельзя сегодня улыбаться, надо быть сдержанным. До дома, до дома, а там...

День 2

Солнышко мягко светит сквозь стёкла бронированного лимузина. Весна. Хорошо. Город ещё в траурном убранстве. Люди тоже, как и я, спешат на работу. Жаль, они видят, но ещё не узнают меня. А так хотелось бы поговорить с ними о жизни, о том, как быть дальше. Так хотелось бы сделать им приятное. И чтобы они радовались и бросали цветы. Я должен что-нибудь сделать для моего народа. А мой кабинет покрасили...

День 5

Кабинет — что надо. И стол — такой огромный. Приятно посидеть, подвигать ящиками, переложить папки... Эх, жизнь хороша и жить хорошо!

День 6

Сегодня посещение Храма Науки. Не таким представлял его себе. Всё чисто, прибрано, аккуратно разложено. Я-то думал, раз учёные, значит, груды бумаг, провода, пробирки, что-то горит, пенится, взрывается, а они — жрецы науки — паяют, мастерят, вырезают хитрые фигурки из бумаги, что-нибудь вроде ленты Мёбиуса, курят, острят, пьют кофе... Ничего подобного! Жаль, что у них ремонт перед этим был и ещё сильно пахло краской, а я её терпеть не могу, а то бы ещё походил, посмотрел. Весь вечер побаливала голова.

День 7

Наша армия — сила! Техника, техника-то какая! А солдаты — молодцы, орлы! «Равнение на президента! Смир-р-рно!!!» Блеск! Вот только краской здесь воняет ещё хуже, чем у учёных. У горла стоит тугой комок. Надо аккуратно дышать. В дороге чуть полегчало. И только дома чуть прилёт, организм не выдержал. Сижую носом в унитаз — позор! — и блюю. За спиной суетятся врач, жена и какая-то шушера. Это токсикоз. Лежу в тепле и выполняю предписания врача.

День 50

Сегодня был на трёх предприятиях, говорил с народом. Замечательные у нас люди живут! Правда, столько проблем накопилось: политические, экономические, социальные... Тут необходим долгий анализ, обобщение. Это нам ещё предстоит сделать. А сейчас надо больше общаться с массами, быть ближе к народу. Да, и надо кончать с этими ремонтами! Повсюду их, видимо, делают к моему приезду. Эту показуху надо выкорчёвывать!

День 100

Вот и первое предприятие, куда заглянул без предупреждения. Ехали на какую-то фабрику и по пути остановил водителя: «Давайте, товарищи, и сюда заглянем». Полы не мыты, окна свет еле пропускают, всё потрёпанное, штукатурка пооблупилась. Но люди работают. Да и воздух тут какой-то не такой. Много у нас ещё недоделок: очистные сооружения, вентиляция... Здоровье народа — наше главное достояние!

День 200

Завод лакокрасочных изделий. Вот это да! И зарплаты хорошие, и условия труда. Всё разноцветное — глаз радуется! Настроение замечательное! С утра, как обычно, побаливала голова, а сейчас всё прошло. Любопытна линия разлива продукции в тару. Долго стоял, рассматривал, любовался.

День 365

С утра заполнил свой флакончик, закупорил и положил в кар-

ман. Целый день будем заседать, без него не обойтись. И вот досада — во Дворце Собраний в туалете выронил. Он и разбился... Времени уже нет. Надо идти в зал Совета. Чёрт, как они громко хлопают!..

— Тише, товарищи, тише... Давайте рассаживаться. Итак, сегодня мы должны рассмотреть...

Боже, как болит голова!

— Мы должны рассмотреть...

А что же мы должны рассмотреть? А где мой пузырьрёк? Ах да, разбился...

— Народ?! Кто сказал «народ»? Какой ещё к чёрту народ?! ...Не подсказывайте, сам знаю! Мы должны рассмотреть дальнейший рост благосостояния нашего народа. Проект положения об экономической реформе нам сейчас зачитает первый докладчик. О Боже, как трещит голова! Краски бы, краски!..

88—89 (?)

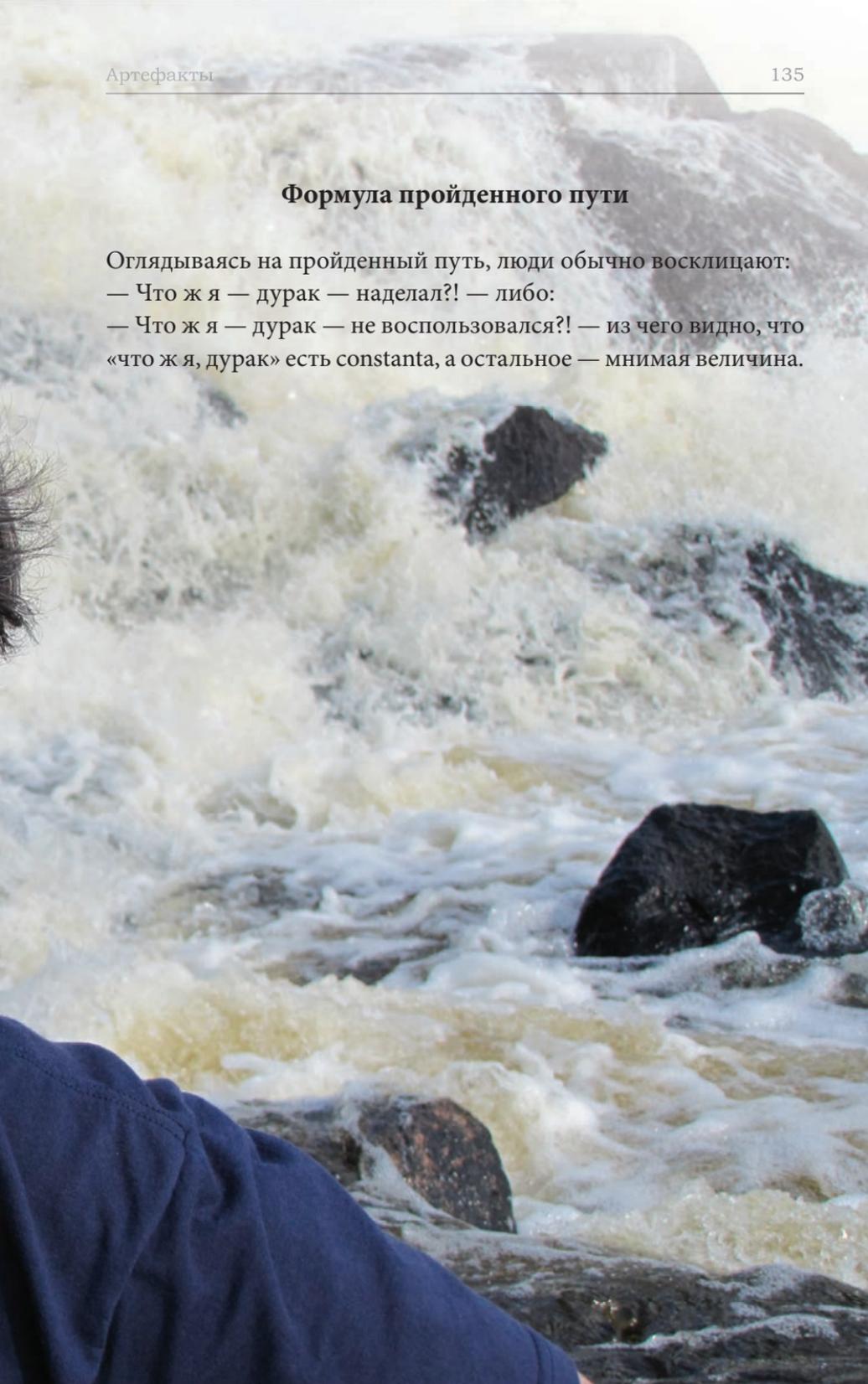

Формула пройденного пути

Оглядываясь на пройденный путь, люди обычно восклицают:

— Что ж я — дурак — наделал?! — либо:

— Что ж я — дурак — не воспользовался?! — из чего видно, что «что ж я, дурак» есть *constanta*, а остальное — мнимая величина.

Литературные анекдоты

Однажды в Париже услышал Высоцкий из раскрытого окна песню Полоскина "Я люблю" в исполнении Азнавура и задумался: Ленин сказал как-то Горькому — "Часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей... А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно..."

— Ох, Борис, ты неправ, ой, не прав, — зарычал Владимир Семёнович, — не время сейчас и не место!.. Чай, живёшь ты не в городе братской любви, а в Ленинграде — колыбели революции... И написал "Я не люблю!".

Комментарии:

— Борис Полоскин в 1966-м году сочинил песню "Я люблю", но боялся признаться, что это он написал и сказал, что песня Шарля Азнавура в его переводе:

Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю —
 Не проходит любовь у меня.
 Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю —
 Твои пальцы браслет теребят.
 Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю —
 Вот сейчас, вот сейчас ты уйдёшь.
 Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю...
 Он действительно очень хорош?

— «Борис, ты не прав» — почти дословная фраза, произнесённая Борису Ельцину членом политбюро ЦК КПСС Егором Лигачёвым в июне 1988 года на XIX партконференции.

— «Город братской любви» - песня рок-группы «Nautilus Pompilius» на стихи Ильи Кормильцева, вошла альбом «Раскол» (1988).

Попали как-то Высоцкий с Фоменко на вечер Ткачёва, и химик их так поразил, что актёр переписал лекцию, а математик историю.

Комментарии:

— Александр Васильевич Ткачёв — инженер-химик, окончил МИТХТ, кандидат химических наук; автор песни "Лекция о международном положении в доисторическом племени" (1978), которая содержит такие строки:

*Одного отступника довела мысль дерзкая
слово нехорошее на камне написать.*

*А потомки выроют эту глыбу-жалобу,
что о нас подумают? Худо иль добро?!*

*Так что эти камешки зарываем, стало быть,
в годы больно древние. Этак тыщ на сто.*

— Владимир Семёнович Высоцкий — русский актёр, окончил Школу-студию МХАТ; автор песни "Лекция о международном положении, прочитанная посаженным на 15 суток за мелкое хулиганство" (1979).

— Анатолий Тимофеевич Фоменко — советский и российский математик, окончил мехмат МГУ, действительный член Российской Академии Наук. Известен как создатель «Новой хронологии» — концепции о том, что существующая хронология исторических событий неверна и требует пересмотра.

До кучи

Датские посвящения

Деревенская элегия

Жил-был дед, звали его Матвей.
Дед имел детей, дети — ещё детей,
и каждый сын сына назвал — Матвей.
И вот однажды в село паспортист попал
и в ведомости Матвеев Матвеевыми записал,
и на хутор Валиковых дочек пошагал.

Деревня. Ты ею просто бредишь. Деревенщики, деревня, деревенский говорок. Как это мило твоему сердцу.

А вот и лето. Жара. Мухи. Стог сена, колкий и пахучий. И он тискает тебя в этом сене. А у тебя ноги измазаны коровьим навозом. А от него разит плохим самогоном. Он — тракторист, ударник. И обходится с тобой сотней-другой слов, да и они ему не нужны. Он берёт в библиотеке только детские книги. Не потому, что там нет других, а просто эти написаны языком, понятным ему. И проблемы тоже понятны. И не надо думать, а можно просто принимать, что такое хорошо, а что такое плохо. И только так. Зачем же иначе? И вот скоро он встанет и пойдёт домой, где заботливая его жена уже разогревает ужин и стелит стиранную простыню. А мимо гонят стадо коров к вечерней дойке. И только и слышно, как звенит земля, как мычат животные, как топают они ногами, как попукивают. А ещё слышно шлёпанье бича да близкое сопение тракториста. Кончается твой маленький праздник.

И пустой дом. И скрипучая кровать с десятком подушечек. И духота жилья. И где-то побрёхивают собаки. И как ещё далеко до рассвета.

Вере Матвеевой к N-ной дате дружеский экспромт

Вера Львовна, мой тебе привет!
Листая подшивку старых газет
встречаю снова и снова:
Наш корр. Матвеева, Валикова, В.Львова.
Ты скажи-ка мне ответ,
душу исцели:
три сотрудника в одном лице
спорят ли, дерутся ли?
Кто из них любимицей?
Кто зарплату получает,
проедает-пропивает?
Кто меняет гонорар
на похмельный перегар?
И ответ я знаю этот:
тот, кто нюхает цветы,
водку пьёт и ест котлеты, —
как тебя не назови — это ты!

Мы можем ругаться и ссориться,
но было ведь доброе слово,
которым люди помянуты.

Игорю Черноусову на свадьбу

От Владимира Туриянского

Привет вам из Вилюйской синеклизы
от вохры и ацтеков, и бичей,
и даже от обложки с журнала с Моной Лизой,
и даже от прокисших и так уж кислых щей!

«Ура!» кричат колхозники, «Ура!» кричат рабочие,
гнильё-интеллигентики — и те кричат «Ура!».
И ясным самым днём, и самой поздней ночью
они кричат вам «Горько!» из каждого двора.

От мала до велика, и трезв, и невменяем
хотят попасть на свадьбу из самых разных мест.
Мы вас уведомляем и все мы умоляем:
скорее высылайте нам деньги на проезд!

От Булата Окуджавы

Пока ещё речи не кончены
и разум в нас не угас,
мой слог, кружевной и отточенный,
выскажись ты хоть раз
среди славословия праздного,
среди свадебной всей суеты:
— За кого ж мы тебя, прекрасного?
На кого променял нас ты?

— Куда ж вы черти, Черноусова?
Ведь это нам откликнется ой-ой!
Я за него молю всех вас:
идите-к лучше вы домой!
Ведь он для нас незаменимый,
умеет дёргать он струну,

а тут совсем не именины
и уберите-ка жену!
Ведь у него кругом поклонницы
и почитателей не счесть.
Пусть он в последний раз поклонится,
мы заберём его как есть.
Ведь он семейный пропадёт-то,
забудет сцену и друзей...
Вы ж сами на концерт придёте,
отдайте нам его скорей!

От Александра Ткачёва

Много разной болтовни, тостов и так далее...
Вон невесту украдут — тоже дураки...
И заставят пить тебя из её сандалиии...
Ты возьми гитару, Игорь, подтяни колки!

Ус ты свой гусарский подкрути рукой,
палец указательный наверх задери,
спой Туриянского нам песенки, ну, спой!
И названья вин нам повтори!

А мы кушаем, сидим, пьём водочку,
чтоб дорожка вам по жизни была ровная,
не разбилась чтоб о быт ваша лодочка,
эта чёртова посудина любовная!

От Владимира Высоцкого

Я сегодня расколую вам,
расскажу, как на духу:
— Кто обидит Черноусова,
изогну того в дугу!

Его знает вся Барзовка,
даже знает Элиста.
Жаждут встречи с ним Петровка,
Магадан и Воркута.

Он у нас на каждой плёнке,
его фото полон дом.
Что ж теперь — пойдут пелёнки,
магазины и диплом?

Обещай взрастить нам смену,
имя своё сделать отчеством,
не забыть про нас, про сцену
и про творчество!

29 июля 89

Тост

Павлу Наму

Волосы трогает проседь,
и пусть я не молод, но и ты не дед.
Сорок минус двадцать восемь —
меж нами двенадцать лет.
Съязвишь ты: «Уклеин где-то
уже научился считать!»
...Дай Бог же нам разницу эту
не увеличивать и не сокращать.

6 февраля 93

Анатолию Батакшеву на свадьбу

Батакшев, помнишь, я когда-то посвятил пять песен на такое ж торжество лицу, которое не будем называть, а ежели лицо начнёт орать, мы спросим: что ты воплотил из пожеланий тех? Что? Ничего?

...Вообще, бытует всякого в народе и кто бы там не выступал, что я, мол, спел — и все в разводе, я песенку тебе не сочинял.

Вещь тонкую, но не иголку — я подарю тебе — секунду тишины после того, когда умолкну и до того, как загалдят они.

август 93

Павлу Наму на день рождения

Борисыч, ты нас пригласил
и мы, преодолев мороз, упадок сил,
пришли к тебе, чтоб поздравлять...
Ну, и, конечно же, попить, пожрать...

Ведь в принципе, мы в кровожадную живём эпоху —
тем, кто зубастый, хорошо, а кто беззубый — плохо.

И следует признать, увы,
законы таковы
на белом свете:
сожрут тебя твои друзья
(Батакшев и Бачинский, Зайцев, я)
и собственные дети.

февраль 94

Игорю Черноусову на 33х-летие

Когда наступит 33,
пора итоги подводить.
Ты, брат, Черноусов, смотри,
что можно тебе подарить:
губ поцелуй, а потом
изящный терновый венок
и 39 ударов хлыстом,
гвозди и молоток.
Уксуса предложу,
мать твою так туды...

Я что тебе, брат, скажу:
— Выпей стакан воды.

26 февраля 94

Геннадию Арасланову на день рождения

Не вечер встречи — расставанья...
Вы так обходитесь со мной всегда.
Ну что ж, Геннадий, до свиданья,
прости-прощай на долгие года.

Но печали в голосе нет
и надежда в последнем куплете,
что через 9 долгих лет
мы снова встретимся в одном десятилетьи.

октябрь 95

Станиславу Антоненкову на свадьбу

Ах, друг мой дорогой!
Что я могу сказать тебе?
Мы здесь с тобой погодки,
кажется. И ты женат.
А я всё нет.
Зато есть дети.
У тебя — всё впереди.
Вот это лучше. Для мужчин
гораздо лучше иметь всё впереди...
Но пусть меня простят,
я, кажется, отвлёкся.
...Мы родились с тобой,
чтоб сказку сделать былью!..
Не то, не то... Ссыхаются уста.
Какая разница: займёшь ли ты места
приличные? — так говорил Иисус:
— Блаженны, кто поймёт!..
Блаженны, кто поймёт...
и вслед за та-,
и вслед за ма-,
и вслед за -дою,
и вслед за тамадою
заветные слова произнесёт,
что гости здесь —
постольку лишь поскольку,
чтоб молодым промолвить:
«Горько!»

20 июня 98

Шуточное поздравление Павлу Наму
(отклик на его песню «Зимний Ленинград»)

Помнишь ли, мой друг,
старый свой недуг —
приступ белой, вьюга злится,
магазин закрыт до двух
и нельзя опохмелиться.

Ты на Невском танцевал —
светофора полный спектр
и машин сплошной сигнал!..
Но увёл тебя инспектор.

Кутил ты славно, от души.
Что Мойка? — Не преграда!
И собирались алкаши
за Летнего решёткой сада.

Ты с монумента отломать
на память пожелал частицу.
Кто бабкой смел бы обозвать
всёя Руси императрицу?!

Да, правда, Питер — не Берлин,
Рейхстага нет в помине даже,
в музей пронёс ты керосин...
Тушили пламя в Эрмитаже.

Была надежда, что менты
твой прекратят запой, но
лишь, когда уехал ты,
мой Ленинград вздохнул спокойно.

Студенческого разлива

(1982 — начало 1986)

Еду я по тихой улице в городе Воронеже.
Пыль столбом клубится, как ей и положено.
Но не слышно смеха звонкого, весёлого,
и стоит собака возле участкового.
Пёс стоит часами, хоть и не привязан, —
за стеной высокой там его хозяин.

Ехал я по тихой улице в городе Воронеже,
улице Желябова. Тюрьма там расположена.

82

Пиво в кружке холодное плещется,
я забуду учёбу и сон.
Что-то милое в пене мерещится,
из груди моей радостный стон.

А оно ведь холодное, свежее,
на него и потратить не грех,
и держу бокал в руках нежно я,
исторгая счастливейший смех.

Не дышу я на кружечку потную,
сыплю соль аккуратно на край.
Ах, ты зелье моё приворотное,
на душе от тебя прямо рай!

83

Тут с детства в колёса не спички втыкают,
но палки такие, что спицы летят.
И крылья птенцов, торопясь, обрезают.
Не только Иисус в наше время распят.

При жизни вгоняют в жестокие рамки,
и тропы заказаны все наперёд,
во всём обговорены ранее гранки —
ни шагу назад и ни шагу вперёд!

83

Он похоронен в опале,
рот его заткнут землёй.
Мы ж при своём капитале,
дом и уют, и покой.
Всё хорошо и чудесно,
только хреново подчас:
как-то душе стало тесно —
вдруг его так из-за нас?

84

Песня эмигранта

Раскололась Россия, упала во мглу,
видно, Господа в небе как нет.
Я в задрипанном баре сижу на углу.
Подо мною чужой табурет.
Здесь и Эйфель, и чёрт знает кто,
и какие-то есть здесь поля.
Только я вспоминаю про то,
как горела в России земля.
Не увидеть мне больше жены
и знакомых, и близких друзей.
Здесь, в Париже, кому мы нужны?!
Мы в чужой стороне, не своей.
Вот собрался народ в кабаке,
заработать есть шансов немного.
Я от русской рулетки в тоске.
Заряжаю наган... Убит... Слава Богу!

84

Всегда во все года и все эпохи
дела поэтов были плохи.

Кипа книжек и надпись видна:
«Плодовитость — не признак ума».
Фактов нету и страсти тихи,
про одно и про то же стихи.
Пишут книги с утра до темна...
Плодовитость — не признак ума.

(к к/ф «Берегите мужчин»)

«Мужчины, пьющие кефир» —
скульптура радует глаза,
щекочет нервы, возбуждает.
Великолепный, совершенный мир!
...Лишь одинокая слеза
у посетителя стекает.

В лаборатории погода
определяется украденным с завода.

Клуб литераторов да вам поможет
стать не иначе как членом СП!
Клуб литераторов! Господи боже!
Это тебе не какой-то КП!
Вон литератор несётся под шляпой
словно газета, ветром гонимая.
Клуб литераторов, знаете ль, с кляпом
штука вполне совместимая!

СП — *Союз Писателей*

КП — *настенная газета «Комсомольский Прожектор»*

В литераторской среде
обувь носят, как везде.
Те ж, кто знает толк в словах —
босиком и в кандалах.

Банкрот

Как известно, на ветер
 деньги можно кидать.
 Но тому, кто стал беден,
 не удастся занять.
 Не дадут мне кредита,
 я по уши в долгах.
 В деканате сердито
 ковыряют в носях.
 Ни зарплат, ни авансов
 не дадут нипочём —
 Мой министр финансов
 был на днях сокращён.
 На глаза мне доцентам
 показаться нельзя,
 и в профкоме клиентам
 не поможет слеза.
 Каблуки годы стёрли,
 заложил я кольцо,
 джинсы сзади протёрты
 и небрито лицо.
 Никуда не пускают,
 я гонимый везде
 и табак застревает
 у меня в бороде.
 Сколько лет миновало,
 может, годиков ...дцать,
 но глаза всё устало
 просят что-то занять.

— Эй, девчата, вы куда?
 Дуну-к в кофемолку!
 Кофем пахнет борода...
 Только нету толку.

Вылезет почта из ящика,
как не запихивай глубже.
Кто-то для роли начальника
нам обязательно нужен.
Дрожжи из банки полезли,
льются чрез край.
Больше не будет полезен
нам этот старый сарай.
Выше, удобней и лучше
будем дома городить,
а до ближайшей полочки
надо хоть как-то дожить.
Тихо мурлыкает кошка,
шерсть начинает лизать.
Кто-то нырнул из окошка
прямо башкой об асфальт.
Свет проникает сквозь стёкла,
дом во дворе — М и Ж.
Старая тётушка Фёкла
яд принимает уже.
С хлебушком, сахаром, маслицем
чай продолжаем тянуть...
Если на что уж навалимся —
нас никуда не свернуть!

Песня критиков

Где забытый одиночка?
Создадим мы аппарат! —
«Нет поэтам всем — и точка!» —
мы малюем транспарант.
И теперь поэтов бьёт
человечный наш народ.
За работу лихо взялись, —
как иначе быть?
Как поэты умерщвлялись —
не забыть.
Воевали мы по сменам,
этот — пулей, тот — поленом.
Мы кричим, мы поём:
— Всех поэтов приберём!
На тот свет, на тот свет!
Им другой дороги нет!

Будь внимателен, смотри,
ощущай всем клетками:
беда приходит изнутри
и не одна, а с детками.

Запомните, эстрадные кастраты:
на время славу обретя,
не замечаете утраты —
утраты собственного «я».

У киоска толпа — пирожки дают, —
кто по штучке берёт, кто десяточек.
Пирожки с пивком хорошо идут
из кошачьих хвостов и лапочек.
Помню, в детстве по крышам гоняли,
по подвалам, подъездам домов
мы за то, что нам спать не давали,
обнаглевших облезлых котов.
Помню едкий на лестницах запах,
в экскрементах усеянный двор,
и, бесшумно ступая на лапах,
крался кот — безобразник и вор.
Его тень за спиною из детства,
словно страшная память стоит,
он такие выдумывал зверства,
что попал, наконец, в «Общепит».
Вот я ем пирожок — жир ручьём течёт,
мелочёвка в кармане в избытке есть.
Съел один-другой, вот возьму ещё,
это будет моя котам месть!

А при выходе из окруженья
сто путей перед нами лежит,
но под окрик «Оставить броженье!»
мы в неверных вонзаем ножи.
Нам единство важнее хлеба,
нам сплочённость нужнее воды.
Чернотой захлебнулось небо,
ни единой в том небе звезды.

В деревне

Если утром в окошко
постучит почтальон,
значит, надо немножко
потревожить свой сон,
надо встать из постели
и накинуть халат.
Вот с утра налетели,
словно птицы, дела.
Ты протянешь ладошку
и получишь газету,
разогреешь картошку
и найдёшь сигарету.
Словно как по Бродвею,
по ухабам пройдёшься...
Зимой ночи длиннее,
не сбежишь — так свихнёшься.

Сёстрам М. — свидетелям всякой нечисти

Довели же нас те тарелочки!
Ну, зависла одна, ну две...
Прочертили по небу стрелочки
и растаяли в синеве.
И теперь ни покоя, ни продыху,
сплошь творятся вокруг чудеса.
Собираемся как-то мы к отдыху,
глядь, висят на стене паруса.
И прокуренным сиплым голосом
кто-то гаркнул, мол, вёсла суши!
Дыбом встали тогда наши волосы,
но ни паруса нет, ни души.
Вечерело. Закат цвета золота...
Вдруг бутылок могильный звон,
из серванта повеяло холодом,
под кроватью раздался стон,
и чертята полезли из форточки,
домовые — из двери гуськом,
ну, а Баба-Яга, сев на корточки,
стала по полу бить помелом.

...Позади эти бредни разные,
есть у нас ныне стол и кров,
и условия просто прекрасные,
замечательный штат докторов!

А на завтрак мне с утра
колбаса копчёная,
чёрный кофе и икра
натурально чёрная.
Вон заехала во двор
«Волга-Волга-Волженька»,
за рулём сидит шофёр
в чёрной кожанке.
Отвезёт не на банкет,
не на день рождения —
на работу в кабинет
в важном учреждении.
На стене висит доска —
буквы золочёные.
Никакая не тоска,
наша жизнь учёная.
На конгрессах надо быть,
на больших собраниях
и не дай бог пропустить
совещание.
Нацепивши макраме
секретарша-кисочка
принесёт на подпись мне
чёрный списочек.
Я решаю каждый день
всё проблемы разные —
то не тень вам на плетень,
не делишки грязные.
Кто-то скажет — сволочь я,
гадина ползучая...
Я веду борьбу, друзья,
за лучшее грядущее!

Мимо, мимо кабака
проплывают облака.
Ну, а в этом кабаке
прям дурак на дураке
и один — народа враг —
в трубку пальцем жмёт табак.

А вожак-то был дурак,
но была ведь оттепель...
Умный стал потом вожак,
только где же ты, капель?

Покупали люди топоры
и точили на старушьи мощи,
Ждали знака до осенней до поры,
им хотелось быть богаче и потолще.
Сколько вас, безудержных ребят,
что пришли к победе быстро и удачно!
Ныне со стены на нас глядят
те, кто им вопрос поставил однозначно.

О.Т.

Я ушёл. Зачем мешать чужому счастью,
говорят, насильно мил не будешь.
Бей меня козырной мастью!
Скоро, очень скоро ты меня забудешь!

Песня караульного на посту

С детства знаниями не замученный,
только в армии мне благодать,
я ведь с детства округой приученный
за себя, если что, постоять.

Шестьдесят патронов во власти моей —
мне приятен такой оборот.
Шестьдесят врагов — шестьдесят смертей
заполучит советский народ.

Не владеет мною ни сон, ни страх,
защищаю я прольтариат
и в моих руках, и в моих руках
боевой АКМ-автомат.

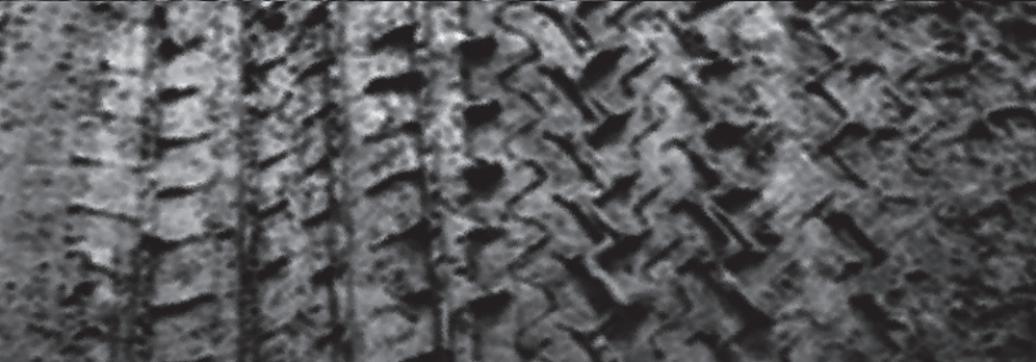
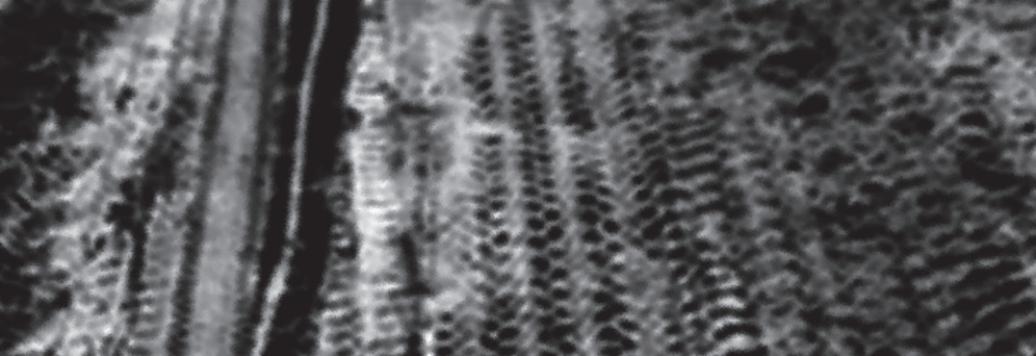
И улыбка моя, и убийственный раж
испугают вас чёрта сильней.
Что мне ваш Летний сад,
что мне ваш Эрмитаж?
Моя проволока красивей!

— У тебя не мозг, а сплошной изъян, —
ухмыляется кто-то мне.
Ну, а мне сказал ротный наш капитан,
что готовимся мы к войне.

Где-то бабы гуляют и водка рекой, —
мне на это давно наплевать.
За моею спиной, за моею спиной
спит спокойно Родина-мать!
Спит спокойно Родина-мать!

*сентябрь 85, в карауле на вышке на военных сборах
где-то в Тамбовской губернии*

— Вы пишете нам, пишете правду,
мы её, мы её, мы её опубликуем.
Это правда, ей же богу, это правда, —
мы рассмотрим, мы рассмотрим и.. проголосуем.
Мы поддержку вам окажем такую,
что и в сказке, честно, в сказке не сказать.
И из мрамора доску я, доску я
буду сам, лично сам вырубать.
Нашей помощи вам хватит надолго,
ну до смены, до смены правленья,
мы дадим вам персональную «Волгу»,
лишь пишете нам стихо-творенья
и романов побольше, пожётче
и позлей, ей же ей, к недостаткам.
Мы пришлём вам гонорары по почте —
хватит вам и детишкам, внучаткам.
А на старости лет, умирая,
будем мы завещать, завещать,
чтобы жизнь вам была — вот такая,
чтобы всё у вас было на «ять».

...Но я знаю, чем кончится это:
новый тип руководства и курс.
Меня будет читать вся планета,
но от Нобеля я откажусь.
Буду в зоне плеватьсЯ зубами,
срок тянуть на морозе во вшах,
буду снова прощаться с друзьями,
уезжая навек в США.
И похлопает по плечу меня смерти рука:
«Слушай, друг, не пора ли кончать и —
айда!» Это будет потом, а пока
рукопись готовится к печати.

Я старая заезженная лошадь,
большие люди ездили на мне —
в цилиндрах, фраках и в калошах,
чуть позже — с кобурами на ремне.
Я с детства не была свободной,
не бегала по степям в табуне,
ведь я возила всех, кому угодно,
и каждый норовил кнутом хлестать по мне.
И снова я, как вошь на блюде,
едва бреду, ногами семеня.
Ах, лошади мои, не доверяйте людям,
они вконец заездили меня.

Пускай раздаются редакторов стоны:
«нехватка бумаги, обилье стихов!»
На то и придуманы магнитофоны,
Чтоб правду узнали мильёны мозгов.
Пусть кто-то не признан — только не киснуть! —
и в жирной земле иных кости гниют.
Те строчки, что наши машинки оттиснут,
назавтра, быть может, в учебник войдут.
Ни слава, ни деньги, ни город на Сене —
нам этого, братья, вовек не видать.
Мы счастье имели открыть чужой гений,
собрать по крупицам и людям раздать.

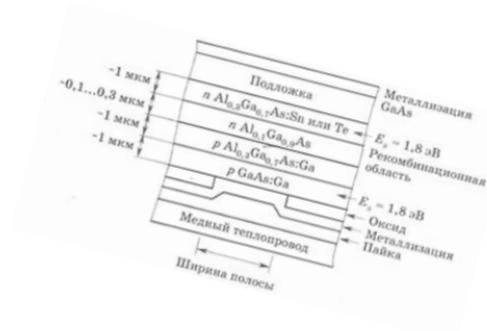
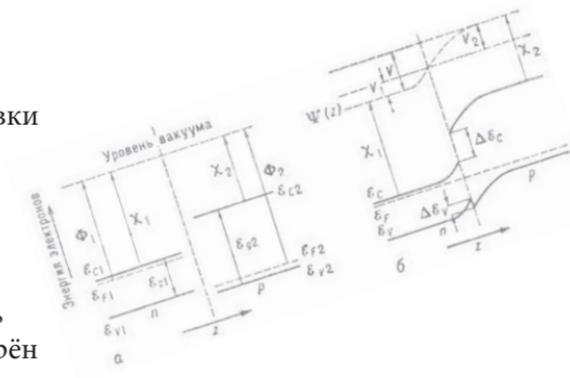
начало 86

Из конспектов

Эти сведения важны:
после тоненькой шлифовки
применяют полировку
и с одной лишь стороны.

Чтобы было всё красиво,
должен быть диаметр зёрён
матерьяла абразива
от ноль трёх до ноль пяти микрон.

В фторопластовой купели
их хромили,
как умели.
Их отмыли, как успели,
и хромили-алюмели
в производство полетели.
Еле-еле...

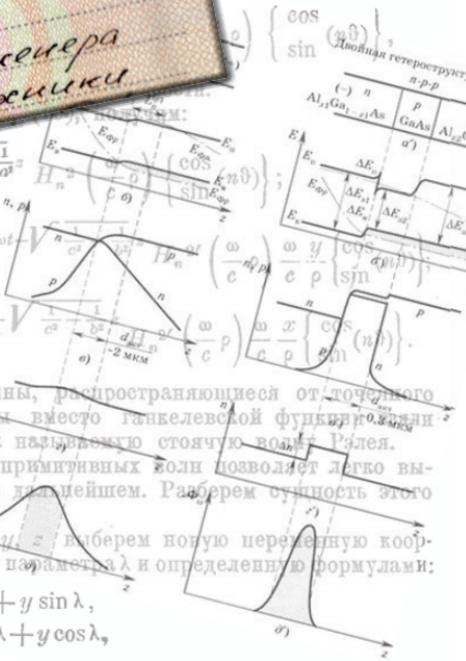

нения Рэлея [см. уравнение (19)] этого уравнения

ем k через $\frac{1}{\theta}$. Корнями $\dots = \pm c$, носят название сначала на частных

$$(20) \begin{cases} \psi_x = R \left\{ -4i \sqrt{\frac{1}{c^2} - \frac{1}{a^2} \left(\frac{2}{c^2} - \frac{1}{b^2} \right)} e^{i\omega t - \sqrt{\frac{1}{c^2} - \frac{1}{a^2} \left(\frac{2}{c^2} - \frac{1}{b^2} \right)} z} \right. \\ \left. \psi_y = R \left\{ 4i \sqrt{\frac{1}{c^2} - \frac{1}{a^2} \left(\frac{2}{c^2} - \frac{1}{b^2} \right)} e^{i\omega t - \sqrt{\frac{1}{c^2} - \frac{1}{a^2} \left(\frac{2}{c^2} - \frac{1}{b^2} \right)} z} \right. \right. \end{cases}$$

Формулы (20) дают рэлеевские волны, распространяющиеся от точечного (линейного) источника $\rho=0$. Если бы мы вместо ганкелевой функции взяли функцию Бесселя, то мы получили бы так называемую стоячую волну Рэлея.

5. Принцип наложения. Понятие примитивных волн позволяет легко выяснить один общий принцип, полезный в дальнейшем. Разберем сущность этого принципа.

В пространстве с координатами x, y, z выберем новую perpendicularную координатную систему X, Y, z , зависящую от параметра λ и определенную формулами:

$$(21) \begin{cases} X = x \cos \lambda + y \sin \lambda, \\ Y = -x \sin \lambda + y \cos \lambda, \end{cases}$$

Рассмотрим в этой перепредставляющую собой решение уравнения Максвелла функцию $\pi(X, z, t; \lambda)$.

(22) 3

оценкой **Выполнил(а) отлично** проект (работу) на тему **«Особенности разрушения кристаллов кремния при двухточечном изгибе»** с оценкой **хорошо** преддипломную практику с оценкой **хорошо** и зашит(а) дипломный проект «Особенности разрушения кристаллов кремния при двухточечном изгибе».

2	$\text{rot}_\rho(E)$	$\frac{\partial E_\rho}{\rho \partial \theta} + \rho \frac{\partial E_\theta}{\partial \rho}$
3	$\text{rot}_\theta(E)$	$-\left(\frac{E_\rho \sin(\dots)}{\rho} + \frac{\partial E_\rho \cos(\dots)}{\partial \rho} \right)$
4	$\text{div}(E)$	$\frac{E_\theta}{\rho} + \frac{\partial E_\rho}{\rho \partial \theta}$
5	$\text{rot}_\rho(H)$	$\frac{H_\theta}{\rho} + \frac{\partial H_\rho}{\rho \partial \theta}$

II. $\nabla \times E = -\frac{\partial B}{\partial t}$ (Поток E через замкнутое контуру) = $-\frac{d}{dt}$ (Поток B сквозь контур)

III. $\nabla \cdot B = 0$ (Поток B через замкнутую поверхность) = 0

Нескромное приложение

**Некоторые другие книги
с участием Алексея Уклеина
(составление и дизайн):**

- Сборник «Есть магнитофон системы «Яуза»» — Калуга, 1991, 255 стр, тираж 10 000 экз.
- Игорь Губерман «400 из-бранных гариков» — Харьков, 1993, 80 стр, тираж 999 экз.
- Владимир Туриянский «Дорога» — Калуга, 1993, песенный сборник с нотами, в печать не попал, частично опубликован в интернете www.uklein.narod.ru/tur_not/index.htm
- Юрий Лорес «Пока горит огонь» — Калуга, 1994, песенный сборник с нотами, в печать не попал, опубликован в интернете www.loressongs.narod.ru
- Александр Иванов «Будем лечить хандру» — Калуга, 2001, 108 стр, тираж 3 (три) экземпляра: один автору, второй составителю и третий был продан на аукционе на концерте, вся сумма ушла автору.
- Галина Репкина «Мой калейдоскоп» — Виннипег, 2009, 281 стр.
- Алексей Уклеин «Ретроспективно» (фото из семейного альбома, стихи) — Виннипег, 2011, 80 стр.
- Елена Уклеина «Воспоминалочки» — Виннипег, 2015, 276 стр.
- Андрей Бельский и Скотт Пекфорд «Как ограбить свой банк» (лит. обработка: Алексей Уклеин и Наталья Бобрецова; иллюстрации: Наталья Бобрецова и Антон Уклеин) — Виннипег, 2017, 80 стр.
- Наталья Бобрецова "Я не записываю многие стихи..." — Виннипег, 2020, 107стр.

Видео DVD

- Юрий Лорес: из архивов 1992—2002 гг.
- Александр Мирзаян: из архивов 1993—1996 гг.
- Александр Иванов: из архивов 1992—1993
- "На Калуге-2" (А.Городницкий, В.Бережков, Ю.Лорес, В.Турианский, А.Ткачёв, братья Мищуки, А.Киреев, Н.Дудкина, В.Ковалёв и другие). После официального концерта организаторы концерта вместе с автором обычно намереваются поужинать и отдохнуть. Иногда снова расчихляется гитара... Этот диск сделан мною на основе видеозаписей кухонных посиделок у Анатолия Батакшева в Калуге в 1992—93 годах и посвящается его памяти.

Примечание: Калуга-2 — это район города, рядом со железнодорожной станцией Калуга-2. В этом районе и получил как-то квартиру Толик Батакшев, у которого мы всегда любили собираться. И в виду собственной бездомности (не тащить же бардов в общагу!) лучшей альтернативы, чем на Калуге-2, не было. Место встречи изменить было нельзя! (Это я к тому, что фильма "На Калуге-1" не существует или я к нему не имею никакого отношения.)

Аудио CD

- "Пролетая над Окой" (Ю.Лорес, В.Бережков, А.Ткачёв, М. Кочетков, В.Турианский, А.Мирзаян)
- "Россия — мать чудная" (А.Городницкий, Ю.Ким)
- "Осенние встречи. 20-й век" (братья Мищуки, Ю.Лорес, В.Бережков, А.Мирзаян, М.Кочетков, В.Турианский)
- "25-й Московский. Микрофоны вычеркиваем!" (Ю.Лорес, И.Имамалиев, А.Ткачёв, В.Турианский)

Участие в клубах:

- 1983—1986 — КСП "Облака", г. Воронеж
- 1987—2003 — КСП г. Калуга
- 2003—2014 — клуб "Второе дыхание", Виннипег (Канада)
- с 2014 — группа "ДА", Виннипег (Канада) www.facebook.com/winnipegda

Организатор концертов

- московских бардов в Калуге в 1988—2003 гг: Ю.Лорес, А.Ткачёв, В.Туриянский, А.Городницкий, Ю.Ким, А.Мирзаян, В.Бережков, М.Кочетков, А.Суханов, Л.Сергеев, братья Мищуки...
- и в Виннипеге — Н.Дудкина, А.Иващенко, В.Егоров, Л.Сергеев, П.Фахртдинов, О.Чикина, В.Долина, Вадим Мищук... и др.
- Участвовал в организации и проведении калужских фестивалей "Осенние встречи".

Радио

В 1995—1999 гг постоянный ведущий еженедельных радиопередач, посвященных поэзии и авторской песне (ГТРК Калуги, "Радио Ока". Ссылки на сохранившиеся передачи:

- из цикла "Логос" <http://archive.org/details/RadioLogos>
- из цикла "Возьмёмся за руки, друзья" <http://archive.org/details/VozmemsjaZaRukiDruzja>

Видео

Третье место (из 12, не из трёх:) на XI Международном Фестивале Документальных Фильмов о Владимире Высоцком в Кошалине (Польша) за фильм "Прикосновение к тексту" (Стихи Владимира Высоцкого читает Анатолий Тавровский) (Израиль-Канада, 2013, 38 мин.). *Над фильмом работали:* Лион Надель (Израиль) -- сценарий, идея и организация; Алексей Уклеин (Канада) -- сценарий, подбор материала, монтаж; видео: Раиса Каплан; Павел Евдокимов; Алекс Свердлин.

Ссылки

- Веб-сайт: www.uklein.narod.ru
- Facebook www.facebook.com/alexuklein
- "Живой Журнал": alexukl.livejournal.com
- Youtube: www.youtube.com/user/ALEXUKL

☰ **YouTube Studio**

Your channel
Alexsey Uklein

- ☰ Dashboard
- ▶ Videos
- ☰ Playlists
- 📊 **Analytics**
- 💬 Comments
- 📄 Subtitles
- 💰 Monetization
- 📁 Audio library

Channel analytics

Overview
Reach
Engagement
Audience
Revenue

Your channel has gotten 5,186,723 views so far

Views ▲	Watch time (hours) ▲	Subscribers ▲	Your estimated revenue ▲
5.2M	605.9K	+7.8K	\$777.41

Oct 2... Nov 24, 20... Dec 21, 2011 Jan 17, 2014 Feb 13, 2016 Mar 11, 20... Apr 6...

[SEE MORE](#)

Содержание

Концепция	3
Основной эшелон	5
Центрально-Чернозёмное	6
Калужский транзит	14
В альбом N.	73
Зима Виннипега	94
Другой формат	115
До кучи	138
Датские посвящения	138
Студенческого разлива	150
Нескромное приложение	168

LAKE

MEDITATION

LANDING